

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Afigo Baltasar

Незаконные похождения Мах'а и Дамы в розовых очках

Книга I

Afigo Baltasar

Незаконные похождения Мах'а и Дамы в розовых очках. Книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31190537

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-10737-3

Аннотация

В реальности, чем-то похожей на нашу действительность, антигерои, которых условно можно было бы назвать “анархистами”, неожиданно вовлекаются в гражданский конфликт, под гипнотическим и волевым верховенством некоей Дамы в Розовых Очках – женщины со сверхспособностями. Характер главной героини категоричен, во многом жесток, так как она руководствуется “тёмной духовной силой”, фактически являясь её активным манифестором. Ради понятных ей одной целей, Дама вовлекает во взаимодействие потенциальных медиумов и “проводников” в иную реальность, и, тем самым, тайно изменяет этот мир. Содержит нецензурную брань.

Содержание

1. «знакомство в sex shop»	6
2. «гипноз от Дамы»	19
3. «любовь в пути»	36
4. «гонка и разговор»	46
5. «лягушка с укропом»	60
6. «в клубе»	69
7. «гипнотический фарс»	81
8. «пространство Нагваля»	93
9. «новая перспектива»	99
10. «звукотерапия»	105
11. «пытка и освобождение»	113
12. «бегство из клуба»	123
13. «подвал»	129
14. «Дама идёт в бой»	138
15. «возвращение “Мерсидэнса”»	147
16. «оправдание Че»	155
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Afigo Baltasar

Незаконные похождения Мах'а и Дамы в розовых очках. Книга 1

Это произведение во многом провокационно. Роман строится на характерах современных героев, из среды маргинальных пассионариев, действующих в реальности, чем-то похожей на нашу действительность.

Фактически – антигерои, которых условно можно было бы назвать “анархистами”, неожиданно вовлекаются в активный гражданский конфликт, под гипнотическим и волевым верховенством некоей Дамы в Розовых Очках – женщины со сверхспособностями, роковым образом порождающей нравственный хаос и смуту.

Характер главной героини категоричен, во многом жесток, так как она руководствуется “тёмной духовной силой”, фактически являясь её активным манифестором. Ради понятных ей одной целей Дама вовлекает во взаимодействие потенциальных медиумов и “проводников” в иную реальность и, тем самым, тайно изменяет этот мир.

В тексте этой книги вы не найдёте слов, запрещённых к обороту текущим законодательством страны-редактора и издателя. Вместо этого, необходимые в обороте эмоциональные выражения, автор заменил собственным субкультурным «НОВОЯЗОМ».

1.«знакомство в sex shop»

В шумной столице наступил вечер, вечер, сменивший яркое деловое многоголосье на блуждающий тусклыми огнями и танцующими тенями праздных прохожих порочный сумрак.

Нацепив на себя потрёпанный “nike” мундир, состоящий из алой бейсболки, стоптанных чёрных кроссовок и широких реперовских брюк, Мах дополнил композицию стильного оболтуса грязной зелёной кофтой с изображённым в центре груди радужным пятилистником, дабы, в таком виде выбраться под вечер в люди, намереваясь купить себе чего-нибудь свеженькое из новинок электронной музыки.

Мах'у в ту пору исполнилось 18, и он, не имея никаких особых жизненных целей, любил побродить по вечернему городу, представляя себя в фантазиях то повесой, то гангстером, а то и музыкантом, как сегодня.

Путь его лежал в центр города, к недавно открывшемуся гипермаркету со странным названием "Аэробус". Магазин сей находился на маленькой площади, возле станции метро “Кузнецкий Мост”, столицы Азирии Сквы, и специализировался на продаже музыкальной аппаратуры, дисков, фэнской атрибутики и всевозможных культовых фенечек. Пристройкой к "Аэробусу" громоздился старый кирпичный sex-шоп, небезуспешно торгующий своими эксклюзивами уже

не один год.

Покупатели музыкальных принадлежностей невольно попадали под эфирные струи горячих эманаций соседнего shop-урода. В "Аэробусе" имелись смежные с sex-шопом витрины, разделяемые передвижными затемнёнными перегородками.

В этот день, а точнее – вечер, менеджеры музыкального магазина, похоже, позабыли задвинуть мутную стеклянную перегородку, и меж "Аэробусом" и sex-шопом образовалась симбиотическая связь, породившая сонм обескураженных увиденным в shop'e музыкантов, выходящих с экскурсии в sex-магазин с выпученными глазами и красными лицами, а также самих гостей из shop'a – с виду обыкновенных людей, но, как будто, несущих на себе еле-уловимый отпечаток чего-то запредельного, как правило, бледных, даже сквозь салонный загар, всех как один обличённых в чёрное, с поднятыми воротниками граждан.

Мах делал вид, будто его вовсе не тянет в sex-шоп, и гулял среди прилавков "Аэробуса", неминуемо приближаясь к распахнутой перегородке, служащей сегодня воротами в пекло.

Он обошёл уже все павильоны, и, не найдя ничего нового, сосредоточил внимание на последнем лотке, торгующим hard-rock раритетом середины прошедшего века. Мах считал, что подобная музыка не для него, но всё ж попал под очарование томной баллады Роберта Планта, столь мягко гармонирующей с настроением, выходящих из-за "сексу-

альной" перегородки людей, что невольно заворожился. В выходящих из shop'a людях было что-то таинственно-трогательное, навевающее мистическое настроение невысказанной тайны, что-то такое, о чём пел Роберт, о чём завывала его электрогитара.

Увидав, как компания патлатых ценителей гoск-музыки беспечно двинулась в направлении перегородки, Мах пристроился следом и, не нарушая колорит неформального единства рокобилли, проследовал за весёлой компанией в импровизированную дверь sex-шопа, бегло зачитав, висящий под потолком транспарант, с развращающим, но уже так назойливо привычным всем Сквичам содержанием: «Увидел наркомана – позвони! “Госнаркодонос” Сквы гарантирует достойный приз!»

В своих мыслях Мах оправдывал этот ход, поскольку, внешне, пересечение sex-шоп линии выглядело, как безобидное заблуждение юного фэна, перепутавшего прилавки духовной пищи с лотками горяченького; ну, а до истинных мотивов этой экскурсии догадаться со стороны было и вовсе нелегко. «Вот гляну одним глазком на эту пакость, и тут же назад, в "Аэробус" ...» – успокаивал себя Мах, прошествовав с невозмутимым видом добрую сотню шагов в недра шoр-пекла, а решив, что сыграно довольно, остановился возле одного из порочных прилавков.

Оглядевшись с пафосом, проснувшегося от глубокого сна человека и демонстративно сосредоточив внимание на вит-

рине, Макс возмущённо выругался, будто увидел писающего в прихожей прямо на ковёр пьяного приятеля. Перед его глазами предстал, во всём своём зловещем великолепии, отдел садо-мазо атрибутики. Аккомпанементом продаваемому с лотков великолепию, из звуковых динамиков садо-мазо отдела, доносилась тяжёлая вечерняя бодрилка в стиле “электро-хард”.

– “Электрохард”?... Что за группа? Басовая основа звучит достойно!... – развязно обратился с импровизированным разговором Мах к толстой, увешанной дешёвой бижутерией и ярко накрашенной продавщице садо-мазо отдела.

– Хард! Ещё какой хард! Это группа риска! Всё для извращенцев, для самых грязных подонков! – кичливо выкрикнула ему в ответ толстуха.

Оглушённый таким ответом, Мах замешкался и, надеясь на снисхождение к неискренности в подобных шутках, мягко продолжил разговор: «Вы не совсем правильно меня поняли... я, всего лишь, хотел узнать название звучащей группы...»

– Я то?! Я, как раз, поняла тебя правильно! Вас, проклятых извращенцев, пускающих слюни возле моего прилавка, приглядывающих себе какую-нибудь забаву из латекса и делающих вид, будто всё это невинно... таких, вас, я повидала на своём веку немало! – расстреляла его в упор грубым ответом, из широко измазанного алой помадой рта продавщица.

– Вы... Вы, кажется, приняли меня не за того... – заика-

ьясь, попятился было Мах.

– Не за того?!... Как бы не так!... С той поры, как глупые менеджеры из “Аэробуса” решили ввести политику открытых дверей с нашим магазинчиком, таких гусей как ты, стало появляться всё больше... музыканты! Делаете вид, что просто заблудились в отделах музыкального магазина, а сами, меж тем, устраиваете постыдные экскурсии в священные пенаты порока! Это вы думаете, что замаскировали свои истинные намерения, попускать слюни возле резиновых вагин, плёток, ошейников, намордников и членов, тогда как, на самом деле, вас сюда заманили специально!... Да! Те гнусные менеджеры из вашего “Аэробуса” договорились с нашим хозяином об обмене покупателями... наш хозяин решил, что, так называемые музыканты, отирающие шкуру в “Аэробусе”, будут очень не прочь отведать горяченького, но лишь в том случае, если их обманут... – наверняка ошеломляя Макса, добавила подробностей продавщица.

Слушая всё это, Мах негодовал, оскорблённый более не несправедливостью обвинений, а грубой прямотой срывания с него маски, беспардонностью обнажения его истинных намерений.

Уже открыв, было, рот для ответа на задевшую его инкогнито дерзость, он вдруг почувствовал на себе чей-то посторонний, сосредоточенный взгляд. Обернувшись к источнику сконцентрированного на нём внимания, он увидел в самом тёмном углу магазинного отдела стройный силуэт высокой

женщины в строгом, брючном костюме “клёш”.

– Super Max! – зычно пропела из темноты женщина в костюме. В интонации её голоса улавливалась некая особая распушенность – интонация властного сладострастия и жестокой иронии.

– Мы разве знакомы? – был обескуражен репликой незнакомки Максим.

– Название электро-hard группы – “Super Max”! – весело уточнила женщина и, сделав шаг навстречу Мах’у, вышла из тени на свет, обнажив детали своего облика. На ней красовался, идеально подобранный, строгий серебристый костюм, облегающий ладные бёдра, узкую талию, прямые плечи, широкими бортами пиджака приоткрывающий крупную грудь, среди которой Мах разглядел, мерцающий блёстками камень-амулет, в виде многолучевой звезды. На глазах у женщины, опущённые нимбом каштановых волос, играли отражением неоновых ламп, большие розовые очки в форме крыльев бабочки. В целом, выглядела та незнакомка подчёркнуто строго – до ассоциации с классическим эталоном респектабельности, но, вместе с тем, и весьма экстравагантно.

В своих мыслях, Мах тут же окрестил незнакомку Дамой. “Дама в Розовых Очках”... – уточнил он для себя и, поклонясь харизме незнакомки, ввязался в разговор.

– Super max?... Забавно! Я подумал, что Вы обращаетесь ко мне... – стеснительно промямлил он, поглядывая на гуляющие нескрываемым сладострастием груди незнакомки,

приподнимающиеся на каждом делаемом ею вдохе.

– А Вы, значит, Максим?! – игриво уточнила Дама и, затянувшись трепещущей меж пальцами сигаретой, выпустила в его сторону ароматный выдох дорогого табака, смешанного с лёгким, коньячно-винным исподним лёгких.

– У нас не курят! – визгливо возмутилась толстуха-продавщица, наблюдавшая всё это время за завязывающимся меж Максом и Дамой в Розовых Очках знакомством с волнением курицы-наседки.

В ответ Дама в Розовых Очках одарила крашеную толстуху уничтожающим, арктически холодным взглядом, но, несмотря на демонстрацию грациозного достоинства, всё же вздохнула, и с выражением бессильного раздражения, небрежно отбросила тонкий окурочок в сторону.

Окурочок приземлился на кафельный пол среди магазинного отдела и продолжил своё равнодушное тление, закутывая струящимся с пепла дымом всех участников сцены, закутывая аурой импровизированного благоволия. В отделе повисла пауза невольного молчания. Глаза всех троих присутствующих остекленело сосредоточились на змеящемся сигаретном дыме.

– А собственно, милые мои, что это мы здесь замерли?! Разве забыли, ради чего мы здесь находимся? – с хулиганским азартом, нарушила паузу молчания Дама в Розовых Очках, и продолжила с обескураживающей прямоотой: «Я лично хотела приобрести себе дилдо!»

– Что? Дилдо?! – испуганным шёпотом переспросила продавщица.

– Да! Мне нужен латексный, красненький или синенький, сантиметров, наверное, 30... а то прежний мой кавалер малость поистрепался! – нагло пояснила Дама в Розовых Очках.

– Вы имеете в виду искусственный член?... – задыхаясь от ужаса, прошипела продавщица.

– Разумеется – искусственный! За живым я обратилась бы в другую лавку! – смачно выплюнула в лицо продавщице Дама.

– У нас... у нас, кажется, нет 30-сантиметровых... – уничтожено заикаясь, возразила толстуха, и стёрла заструившийся с лица пот синим в горошек платочком, хранимым в лифе меж грудей.

– Фу ты! Я так и думала!... Кругом сплошное ханжество! Ну, а какие есть – из тех, что посолидней? – продолжила горячий допрос Дама.

– Есть 26-сантиметровые, латексные дилдо марки “Хулио-Джулио”, но они прозрачные, хотя и разноцветные... – почти по-деловому, профессионально заглушив возмущённую стыдобу, предложила продавщица.

– Ну и бог, то есть, чёрт с ним! Тащи сюда немедленно этого своего “Хулио”, а то, я уже немного утомилась в этом притоне!... От скуки ноет уж и сама одежда, а не только бедняжка, жаждущая развлечений и приключений плоть... – с

капризной развращённостью приказала Дама, и, повернувшись вполоборота, жестоко улыбнулась Максу, ослепив на миг его зрачки бликами-отражениями со своих розовых очков бабочки.

Ослеплённый Мах, зачарованно наблюдавший за развязывающейся сценой всё это время, нечаянно заглядевшись, оступился, пятясь от агрессивного напора Дамы, и пяткой “nike” наступил на край хрупкого, стеклянного шкафа, служащего витриной под эротическую атрибутику.

Витрина пошатнулась, и, качнувшись из стороны в сторону, раскрылась, исторгнув на кафельный пол добрую дюжину разноцветных фаллоимитаторов, тут же заскакавших по глянцевым плиткам садо-мазо отдела шопа своими резиновыми телами, словно теннисные мячи.

– А! Вот они! Миленькие, сами ко мне скажут! Чувствуют, наверное, притяжение плоти! – беспечно хохоча, прокомментировала аварию Дама в Розовых Очках.

– Это у них конкурс: кто выше прыгнет! – оттаяла толстуха, снова вооружившись своим амплуа грубиянки. Вместе с тем, было видно, что продавщица изрядно раздражилась поведением этой, весьма экстравагантной покупательницы, равно как и подобострастной зачарованностью неуклюжего Макса. Лицо толстухи насупилось, улыбка сделалась откровенно коварной, а брови, дугами, ушли вверх, нарисовав на её напудренном лбу классический “злодейский” треугольник.

Но тут сама Дама в Розовых Очках, нарочито плохо играя роль доброжелательной болтушки, снова поддержала толстуху в пошлом диалоге.

– Заметила! Я заметила, что тот – синенький прыгнул выше всех! Он выиграл! Придётся брать и его, вместе с “Хулио”! – ребячливо хлопая в ладоши, заявила Дама.

Не сообразив, как парировать очередную вольность Дамы в Розовых Очках, продавщица лишь недовольно фыркнула.

– Что?! Вы думаете иначе? Думаете, стоит руководствоваться изначальным намерением, и купить лишь одного “Хулио”? – издевательски сыграла в окончательную дуру Дама в Розовых Очках.

– Ничего я не думаю! – насуплено буркнула в ответ продавщица, дискредитировав свою профессиональную невозмутимость.

– Как же так? Ведь Вы – продавец в sex-шопе – профессионал! Должны же Вы, хоть как-нибудь, влиять на предпочтение покупателя, как эксперт, как маркетолог, как продавец, в конце концов?!... – лицемерно разразилась возмущением Дама в Розовых Очках, предав себе вид особой строгости, и перестав кривляться и веселиться.

В магазинном отделе снова повисла пауза тишины, но уже иной, нежели впервые, тишины, в сей раз, конфликтной, магнетической, предгрозовой.

– Да пошла ты! – вдруг выпальнула продавщица, во весь свой косметический рот, во всё, привыкшее к частым руга-

тельствам, сильное горло алкоголички.

– Есть! В яблочко! Проигралась, толстушка! Не потянула базар? Лажанулась! А фигли, тогда, на ребёнка наезжаешь, с лицемерными тёрками “за нравственность”? Ты кричала, помнится, про постыдные экскурсии в священные пенаты порока... то есть, ты сидишь здесь, намеренно — ханжа ханжой, да двигаешь фуфло лживой порочности, тогда как сама — натуральная соковая кобла! — расстреляла в восставшую sex-продавщицу, целую обойму неприятных и личных обвинений особо крупного калибра Дама в Розовых Очках.

– Не хулиганьте, а не то жандармов вызову! — дрожа от ярости, бросила в ответ толстуха. Тон её слов сделался зловеще сдержанным, в голосе появились стальные, бескомпромиссные нотки.

– Как, как? Да вызывай, кого хочешь! Ну, а я, пока что, куплю парочку этих штучек! — хладнокровно парировала нападение толстухи Дама в Розовых Очках. Произнося эти слова, Дама присела на корточки и, с подчёркнутой невозмутимостью, принялась перебирать, раскатившиеся по полу резиновые члены.

Мах и бледная от ярости продавщица sex-шопа оглушённо сосредоточили на ней всё своё внимание, бессмысленными парами глаз следя за каждым жестом хулиганки. Взгляд Мах’а гулял по её ладным бёдрам, обнимал талию, прикасался к дрожащей груди, гладил запястья, шевелил волосы; своим взглядом он ощупывал её всю, целиком, и решился ещё на

одну прогулку по телу Дамы, но, переведя внимание на упругие икры своей новой знакомой, невольно остановился... испод расклешённых, серебристых брюк Дамы, пристёгнутым к лодыжке кожаным ремешком, выглядывал миниатюрный шприц.

Заметив это, Мах перебросил испуганный взгляд на глаза продавщицы и, поймав прицел её зрачков, точно определил их цель: толстуха тоже глядела на обнажившийся шприц. Её вытаращенные глаза буквально светились злорадным ликованием.

В голове у Мах'а немедленно мелькнуло воспоминание, о заявленном при входе в shop напоминании от “Госнаркдоноса”. Его, пробудившийся от симпатии к Даме в Розовых Очках мозг, быстро прикинул стоимость дефилированной на продавщице бижутерии, и сопоставил эту цифру с вероятным гонораром за поимку наркоманки. Мозг Макса немедленно выдал ответ: спасти Даму и бежать отсюда без оглядки! Но, моторно-рефлективная реакция продавщицы sex-шопа оказалась быстрее Максого мозгового процессора, поскольку пухлые её пальцы уже продавливали, знакомые всем “продвинутым” Сквичам, цифры на клавиатуре коммуникационного устройства.

– Срочно наряд в 13 отдел! У нас наркотик! – воодушевлённо пропела в эфир коммуникатора толстуха, и зарделась лоснящимся самодовольством. Душа её была спокойна: ей удалось поставить оскорбительницу на место, а то и вовсе –

отомстить хулиганке в розовых очках.

Мозг Макса заработал ещё быстрее, и направил его на решительные действия. В два прыжка Мах подскочил к полюбившейся ему Даме, припал на колени возле её ног, и быстро, но романтически бережно, без единого слова комментария, отстегнул от её лодыжки ремешок со шприцем. Оказавшись в его руках криминал он, в ажиотаже, лихорадочно засунул себе в карман, но тут же вытащил и перепрятал в носок, после чего снова вытащил и, наконец, водрузил шприц себе на голову, прикрыв алой бейсболкой “nike”.

2. «ГИПНОЗ ОТ ДАМЫ»

Итак, с момента звонка толстухи в жандармерию, в комнате садомазохического отдела sex-шопа прошло полминуты.

За стеклянной перегородкой послышалось торопливое и тяжёлое топанье массивных мужских ног.

На пороге появились жандармы. Стражей порядка было четверо. Одеты они были почти по-граждански – в дорогие и светлые, летние классические костюмы, играющие волнами складок, как играет лишь чаньдунский высокогорный шёлк, стоимостью более пятиста американских долларов за полуметр. Запястья, шеи, пальцы рук представителей власти, буквально купались в цветах золота и оттенках платины. Зубы, в раскрытых и хищных пастьях правоохранителей искрились изобилием драгоценных камней и металлов. Роста, все они были средне-высокого, но комплекции разной, в общем спортивной – от приземистой массивности борца, до элегантной сухости многоборца. При том, на одном из них красовалась даже пижонская атласная кремовая шляпа.

– Этот клоун в “nike”, стопудово – голимый торчок! – бодро подал клич товарищам по службе один из законников, ухоженным пальцем тыча в Макса.

– Стопудово! – хором отозвались на клич его коллеги.

Через несколько бодрых секунд тело нашего отважного

юного героя уже лежало, распростершись ниц на кафеле сехшопа, а все вещи Мах'а – кофта, брюки, кроссовки и даже трусы, тряслись в руках сотрудников Госнаркодоноса, исторгая на пол карманный скарб, состоящий из плеера, зажигалки, очков, сигарет и ключей.

– А вот и он! – радостно воскликнул самый удачливый из сотрудников, ловко поймав, выпавший из резинки трусов Макса, прозрачный пакетик с зелёным содержимым.

– Чуй! – авторитетно дал оценку один из товарищей везунчика.

– На экспертизу! – по-деловому гаркнул третий их кент.

– А кепку-то мы с него не сняли! – бодро озадачил товарищей четвёртый.

Когда кепка Макса оказалась в руках законников, дополнительные комментарии были излишни. Сотрудники государства блаженно щерились дорогостоящими ртами, глядя на красноречивую инсулинку “Красную Шапочку”.

– Голимый срок! – вынес вердикт один из слуг государства.

– Если там остался раствор, больше минимума по УиК, то это – особо крупный размер! – уведомил Мах'а другой их кент.

– Поедешь надолго! – с садисткой интонацией добавил третий.

– Сквич, пепсикольник, симпатичненький... Скорее всего в петушатник съедешь! – с ещё более выразительной и изде-

вательской интонацией, съехидничал четвёртый законник.

Саму виновницу сего действия – Даму в Розовых Очках, сотрудники власти, меж тем, как будто и не замечали, сосредоточив всё своё внимание на неудачнике Максе, тогда как она – Дама, следила за их суетой весьма зорко, оценивая оглядывая каждого из них, как будто прицеливаясь в естество каждого, словно готовясь к схватке. Толстуха-продащица тоже увлеклась наблюдением за яркой сценой захвата, совершенно позабыв о своей обидчице: глумление над Мах'ом вполне удовлетворяло её порочную страсть к раздору.

Но, в тот миг, когда законники, заломив руки Максу до крыла и согнув его голое тело в непристойную погибель, поволокли несчастного юношу прочь из магазина, Дама в Розовых Очках сама проявила себя перед захватчиками, выступив им навстречу и гордо преградив путь.

– Освободите проход, многоуважаемая! – с глумливой интонацией обратился к Даме один из сотрудников власти. На лицах троих его товарищей проявились гнусные, похотливо-презрительные ухмылки. Было видно, что уже не первый раз в своей, правоохранительной практике, они встречают сопротивление от справедливо негодующих граждан или гражданок.

– Остановитесь, господа! Давайте побеседуем! – со смелой невозмутимостью возразила им Дама.

– Не препятствуйте представителям власти, при исполне-

нии ими своих служебных обязанностей! – ловко отчеканил угрозу, с грамотной ссылкой на УиК, законник в шляпе.

– Просто побеседуем... – с героическим спокойствием, продолжила сопротивление Дама.

– Имейте в виду, гражданка: вас фиксирует государственная камера видеонаблюдения! – подключился к атаке следующий их кент, подбородком своим кивая вверх, на вертящуюся под потолком видеокамеру.

– На судебном разбирательстве, заснятый сейчас материал может послужить основанием для возбуждения в отношении Вас уголовного дела, гражданка! – снова пригрозил умудрённый познанием УиК законник в шляпе.

– Побеседуем... – с какой-то отстранённой, сомнамбулической интонацией, вновь возразила государственникам Дама. Лицо её, при этом, сделалось обескураживающе умиротворённым, мертвецки безучастным. Глаза Дамы неестественно закатились под веки, обнажив белки. Тело её расслабилось на манер тряпичной куклы.

– Последний раз предупреждаю Вас, гражданка! – вытаскивая удостоверение и демонстрируя его камере под потолком, капризно запричитал законник-правовед. Меж тем, глаза его коллег причастились наблюдением за происходящими с Дамой, весьма настораживающими изменениями.

– Побеседуем... – завораживающим шёпотом вновь повторила Дама, всем своим естеством, словно уплывая куда-то прочь от жизни.

Теперь уже все четверо представителей власти, включая настойчивого правоведа в шляпе, внимали ей, безвольно заорожившись созерцательной невменяемостью.

– Побеседуем... – с безжизненной размеренностью, словно метроном, продолжила свои заклинания Дама, всё более погружаясь в полуживое состояние каталипцизма. Сотрудники государства вторили ей, лоя своиими, остекленевшими вдруг глазами, каждый вдох и выдох Дамы, дыша уже с нею в унисон, словно отражаясь в зеркале.

– Побеседуем!... – монотонно шептала Дама.

И вот, уже сам Мах почувствовал, как комната плывёт перед его глазами. В ушах его раздался высокий звон, похожий на звук отключаемого прибора. Сознание покидало юношу, и последнее, что он успел уловить в ускользающей реальности – было ослабление хватки правоохранителя. Руки Макса освободились, но сам он уже не мог держаться на ногах самостоятельно, и, подкосившись в коленях, упал лицом в пол.

Прошло некоторое время, и Мах снова увидел свет через полуприкрытые веки. Осторожно оглядевшись, он понял, что по-прежнему находится в sex-шопе, лёжа распротёртым на кафельном полу. Тела трёх, крутивших его, хранителей порядка ради власти, валялись рядом, четвёртого не было видно. Комната магазина походила на оставленное поле боя. Вместо воронья, над телами падших кружила тень толстой продавщицы, беспокойно мечущейся от прилавка к

двери и обратно.

– Страсти-то какие, батюшки! Убивают среди бела дня! Жандармов убивают! Без стрельбы, без взрывов! Ни дыма, не крови... Секретное оружие, видать! – громко причитала толстуха, молитвенно сложив на груди пухлые ладони.

– Выключи селектор, сука! – донёсся из тёмного угла властный вокал Дамы в Розовых Очках.

Повернув голову в сторону донёсшегося голоса Дамы, Мах увидел, склонившийся над чем-то, лежащим на полу, силуэт виновницы сего, таинственно творимого действия. Склонившись над каким-то предметом, Дама интенсивно водила руками из стороны в сторону.

«Ворожит!» – подумал Мах, но его предположения рассеялись, стоило ей подняться и сделать шаг в сторону, чтобы выйти на свет. В руках у Дамы оказался жандармский мундир, а именно: кофейный шёлковый костюм, пижонская, атласная кремовая шляпа, и пара лакированных, востроносых туфель из крокодильей кожи. То, что Мах принял за неодушевлённый предмет, на самом деле, было телом одного из законников.

– Скорее одевай это, Макс, пока камера не работает! – спешно бросила ему свой клич Дама, подкинув, снятый с государственника роскошный костюм.

Поскольку Мах был наг и напуган, предложение Дамы пришлось выполнять как приказ.

Уже через три минуты он гарцевал в блатном прикиде от

кутюр, нахлобучив на глаза защитный полукруг из кремового атласа. С сего мига ни одна из установленных на крышах, под потолками офисов и на фонарных столбах, ни одна из камер видеонаблюдения не опознала бы его прежнего – оболтуса и тинэйджера, верно выводя на дисплеях элегантный образ столичного повесы-денди.

Костюм пришёлся ему в пору; единственным недостатком, среди груди, зелёным пятном, зияла тинэйджерская кофта с радужной, пятилистной, символически неоднозначной вышивкой, да красные носки с “найковскими” лэйблами, резали взгляд, при интенсивных его движениях ногами.

Мах огляделся в поисках зеркала и, по привычке, зарисовался перед глазом камеры наблюдения. Но камера не ответила ему взаимностью: её зрачок помутнел, а вращательный механизм остановил свою работу.

– Что случилось с камерой? – бросил Даме вопрос Мах, поправляя складки на костюме, отражённом от тёмной стеклянной стены.

– Остановилась, потухла... – безучастно откликнулась Дамма в Розовых Очках, переступая линию выхода из садомазохического отдела шопа.

– Она заколдовала её! Поломала нашу камеру каким-то фокусом! Она – ведьма! – закричала ей вслед продавщица, а через мгновение, когда и сам Мах перешагнул линию входа в павильон, добавила: «И селектор мой вырубил, дьяволица!»

Быстрым шагом, миновав галерею бесчисленных отделов sex-шопа, Мах с Дамой в Розовых Очках вошли в наполненные музыкой пенаты “Аэробуса”, и затерялись в массе пёстрых и экстравагантных посетителей музыкального магазина. Здесь обстановка ощущалась менее напряжённой: люди не косились друг на друга с нездоровым и навязчивым интересом, не прятались за высоко поднятыми воротниками, в “Аэробусе”, напротив, все вели себя естественно и непри-
нуждённо.

– Давай заглянем в отдел классической госк-музыки! Там я видела очаровательную рубашечку! Она, как раз, подошла бы к твоему новому костюму! – потянула за рукав Макса Дама.

– Этот костюм, кажется, висит на мне, он мне великоват... – пожаловался Мах и насупился.

– Костюм такого фасона должен чуточку висеть! На ветру, ты будешь похож на парус... в этом – весь прикол! – не сдавалась веселиться Дама, заводя Макса в отдел классического рока.

– А как же копы, камеры, продавщица? – артачился Мах, чувствуя, что ввязывается в очень крутую историю.

– Враг разбит наголову, и, в ближайшие несколько минут, беспокоить нас никто не будет! Камера зависла, её починит лишь электрик, законники в транс – это неизбежно, ну а пёстрая толстушка... она, думаю, собирает сейчас урожай... ей некогда и, наверняка, не выгодно объявлять за нами по-

гоню так скоро! – легко отчиталась перед Максом Дама, и приступила к выбору покупок.

– Какой-такой урожай? – не понял Мах.

– Мародёрствует она – обирает кентов-закона от золота и денег... Она же ведь тоже – не дура – видит, что камера не работает! – беспечно пояснила Дама в Розовых Очках.

– А на нас не подумают? Ведь, когда они меня крутили, камера всё зафиксировала... и ещё – эти Ваши манипуляции... Чем уж Вы их ухайдохали, я не знаю, но законники реально в отрубе! – зароптал Мах, решив на всякий случай обращаться к Даме вежливо – на Вы, – во-первых – из страха, во-вторых – потому что Дама наша, хоть и выглядела молодожаво и вела себя энергично, при более близком рассмотрении, оказалась особой в некотором возрасте – неопределённом – как то и положено Даме.

– Разумеется, Максик! Разумеется – будут думать на нас! Даже более того – на тебя!... Кстати, малыш, обращай ко мне на “ты”... Не надо подчёркивать мои недостатки! Зови меня Велга! – разудало пропела Дама и, на мгновение, кончиками указательных пальцев приподняла свои крылья-очки, обнажив пред юношей роскошные, полные чувственной глубины, зелёные глаза взрослой женщины.

Заглянув ей в глаза, Мах оторопел: его раздирали напополам два противоречивых чувства – страх перед возникшей ситуацией, и очарование перед Дамой, глаза которой напомнили ему многие яркие сны, просыпаясь от которых он неиз-

менно чувствовал себя воодушевлённым, но и мокрым от вожделения. Не раз он видел эти глаза во сне. Память об этом, пробудилась в нём, в сей миг.

– Я, пожалуй, пойду... – попытался откреститься от наваждения Мах.

– Даже не думай! Отныне мы повязаны! С сего мига наши пути сошлись воедино... Попытаешься убежать от меня, попробуешь быть самостоятельным – погибнешь! Да и не побежишь ты... от судьбы не убежишь! – велеречиво остановила его она.

– Остаюсь... – с безысходностью выдохнул Мах, вспомнив, что сам был инициатором возникших событий, бросившись спасать Даму и схватив злополучный шприц.

– Ну что – покупаем рубашечку? – переключилась на мягкость Дама.

– Покупаем! – смирился с судьбой Мах.

Бегло оглядев витрины, Дама в Розовых Очках остановила свой выбор на бардовой, пошитой, на сей раз, из нучи-ронового шёлка, украшенной затейливой вышивкой рубаше, выложенной в коллекции сценических костюмов.

Пока Мах суетливо менял облик, перерождаясь из подростка в элегантного мужчину, Велга набросала в картонную сумку целую кучу вещей: штопанных рваных рубах из дрюги, залатанных разноцветными лоскутами, ветхих раскле-щённых джинс, пёстрых бандан, кожаных напульсников, да, в придачу ко всему, клубок бус, шнурков и чёток. Поймав

недоумённый взгляд Макса, она остановилась, чтобы объяснить эти странные покупки.

– Всё это настоящий раритет! Старые вещицы реальных хиппарей. Ну кто, как не я, купит у них всё это барахло? Таких покупателей сегодня днём с огнём не сыщешь, разве что сам Роберт Планта заглянет в этот магазин! А я беру их в подарок одному хорошему человеку... думаю, вы будете рады знакомству друг с другом в скором будущем! – оправдалась Дама в Розовых Очках, и кивнула в сторону выхода, напоминая о том, что следует спешить.

Покинув “Аэробус”, Дама и Мах с праздной небрежностью проследовали через площадь и, выйдя на улицу, остановились возле припаркованных к обочине посольского дома автомобилей.

Велга закурила сигарету и отсутствующим взглядом вперилась в пустоту, заполненную мелькающими тенями прохожих, всем своим видом давая понять, что намерена ждать чего-то, либо кого-то, должного появиться в этом месте.

– Ждём? – на всякий случай решил уточнить Макс, неумело закуривая предложенную сигарету.

– Ты что, не куришь? – удивилась Дама, глядя на то, как Мах делает глубокие вдохи с последующей задержкой дыхания.

– Иногда... – уклончиво ответил он.

– Используешь сигареты как штaket? – лукаво уточнила

Велга.

– Берегу здоровье... – двусмысленно согласился Мах.

– Разумный взгляд на вещи! Я рада тому, как нынешняя молодёжь умеет быть практичной! – развеселилась от сосредоточенного оцепенения Дама в Розовых Очках и, словно из солидарности, отбросила едва занявшуюся сигарету прочь.

– Долго ещё ждать? – переключился на изначальный вопрос Мах, приподнимая воротник пиджака, и прячась от налетевшей из приближающихся сумерек прохлады.

– Как повезёт... – с игривой таинственностью, не ответила на его вопрос Дама.

Получив такой ответ, Мах ещё больше съёжился, замерзая более от страха, нежели от ветра, в этот тёплый, летний сковский вечер.

Пара наших героев ярко выделялась на общем фоне шныряющих мимо прохожих: Мах выглядел изысканно грациозным, элегантным до гротеска в своём новом костюме, атласной шляпе и крокодиловых туфлях, одетых на босу ногу, по совету Дамы в Розовых Очках; ну а подаренная Велгой сценическая рубаша делала его облик недостижимо праздничным, эстрадным, каиновым, звёздным. Сама Дама, и вовсе, воплощала всем своим существом теорию природного неравенства, будучи совершенной в своём облике, движениях, жестах и одновременно завораживающе таинственной, будто воплощённой из сказки.

Испуганные импозантной нереальностью наших героев,

вечерние прохожие обступали их, словно кинозвёзд, сохраняя дистанцию с “идолами” в добрых пару метров.

Заметив эти метаморфозы, Мах принялся откровенно дрожать, забыв о холоде, от одного лишь страха быть разоблачённым.

– Давай уйдём отсюда! – жалобно попросил он свою Даму, реагирующую на вызываемый ею ажиотаж весьма спокойно, словно как на должное. Было видно, что Дама наша вполне привычна к возникающему вокруг её персоны оживлению.

– Ещё одну минутку... Я понимаю: страшно – мы на виду, за нами погоня, но... иного выхода у нас нет! Мы слишком экстравагантны, слишком неординарны, для того, чтобы затеряться в толпе! Будем ли мы стоять на этом месте, или идти по улице, или ехать в метро – значения не имеет... Мы для них слишком броский объект внимания! – произнеся эти слова, Велга обвела рукой своей, обмахнув расклешённым рукавом, словно крылом, спектр окружающей их улицы.

– Мы ловим машину! – обрадовался спасительной догадке Мах.

– Водителя... – со зловещей мрачностью в изменившемся вдруг голосе, поправила его Дама. И не успел ещё Мах среагировать на это многозначительное пояснение, как Дама резко одёрнула его и, кивнув в сторону припаркованных автомобилей, резко добавила: «А вот и сам водитель!».

К припаркованному на тротуаре, в паре метрах от наших героев, огромному белоснежному “Mercydance-Dance” при-

ближался чернокожий гражданин солидной наружности.

– Это же негр! – выпалил оборонительное заклятие Мах.

– Зато машина – белая! – задорно парировала его неоформленный протест Дама.

Не давая юноше опомниться, Велга ловко захватила инициативу в свои, умощённые колдовскими браслетами и кольцами ладные руки, сделав следующее. Приблизившись к холёному негру парой размашистых шагов, наша Дама грациозно взмахнула пред его лоснящимся коричневой лайкой лицом кистями, от чего резко и легко отлетели в сторону, следом приземлившись на асфальт, очки чёрного гостя, заключённые в золотую, офисного стиля, модную оправу. Вторым движением тех же резвых кистей, Велга изящно проникла под широкие борта дорогущего пиджака заграничного гостя и, погуляв по его, сокрытому белоснежной сорочкой телу своими пальцами, неожиданно отстранилась от толстяка афроамериканца.

Шокированный её дерзкими и безосновательными действиями чернокожий громила чуть было не осел на тротуар, сильно пошатнувшись и обмякнув, в миг, превратившись в подобие мультипликационного бегемота.

– Вы, что-та хаатеть? Я, есть, у Вас хотеть знать... – перебирая жирными губищами, забормотал чёрный гость, тараща на Даму в Розовых Очках, обнажённые от формализма очков, испуганные и умные на современный лад, свои глаза.

– Хотеть, хотеть! – радостно согласилась с ним Дама и,

на тот же манер, что в sex-шопе, резво защёлкала перед его чёрным лицом своими пальцами. Щелчки эти звучали вполне ритмично – словно аккомпанемент музыке городского вечера. Вместе с тем, с уст Дамы зашелестели знакомые заклинательные интонации, в форме нескольких властных слов. «Смотри! Смотри в глаза! В глаза!» – так, согласовываясь с ритмикой пальцевых щелчков, звучали её заклинания, не только на родном для Макса азирийском, но и на некоторых других, не ведомых ему, языках.

– Вы есть хотеть... Я есть иметь... Понять, хотеть, знать... – всё более и более запутываясь в своих собственных недомыслиях, бормотал несурязицу черномазый толстяк; грузное тело его, при этом, пассивно обмякло, спина завалилась на стоящий сзади “Mercydance-Dance”. Тут, облокотившаяся на скользкое железо и стекло автомобиля, плотская чёрная масса зарубежного гостя поползла наземь.

– Ключи! Ищи в его карманах ключи от тачки! – в резвом ажиотаже, завизжала приказания для Мах’а Дама, стоило лишь телу чёрного гражданина соприкоснуться с асфальтом.

– Умываю руки! – демонстрируя открытые ладони, попятился прочь перепуганный Мах, но развернувшись вполоборота, чтобы разглядеть путь к бегству, остановился в своём постыдном намерении, остановился, поскольку увидел выходящих из парадного “Аэробуса”, потрёпанных битвой с Дамой в Розовых Очках, сотрудников Госнаркодоноса.

– От судьбы не убежать! – риторически вздохнув, повторила говоримое ею прежде Велга и, вопросительно приподняв плечи, кивнула на распростёртое чёрное тело.

– Окей, Окей... Я, кажется, начинаю что-то понимать! – с оглушённой безысходностью забормотал Мах, и с рабским повиновением склонил спину над распростёртым телом очередной жертвы Дамы в Розовых Очках. Сама виновница лютого торжества тоже присела на корточки, прячась за припаркованными седанами.

Снующие мимо всего этого действия прохожие, были уже не столь безучастны, и скапливались в лицах особо любопытных экземпляров возле нашей преступной парочки.

Искомые ключи были найдены, и вот уже наши герои ползком залезали в едва приоткрытую белую дверь “Mercydance-Dance”, в прохладный, освещённый матовой синевой автомобильных окон, скрипучий, белый, кожаный салон.

В полуприсядь друзья наши примостились в глубоких, стильных креслах и немедленно принялись разбираться с ожидающими включения приборами на панельной доске. Дама в Розовых Очках яростно нажимала на всё подряд, от чего салон автомобиля ожил избытком мигающих лампочек, плавающих, мычащих, шипящих и гудящих вразнобой сигналов от множества приборов и устройств. Голубые стёкла, словно пьяные, заползли вверх-вниз, а в унисон их хаотичному движению, наконец, заиграла и сама госпожа Му-

зыка, – всё тот же хард 70-х, всё тот же, порочный, вечерний “Supermax”. Настроение тёмного и жаркого, планового садо-мазо лаконично вползло в “Mercydance-Dance”, прямо изнутри, покинутого при чрезвычайных обстоятельствах, sex-шопа.

В пример Даме, наш Мах проявил большую смекаливость в обращении с ультрасовременной техникой концерна “Dance”. Его руки ловко заиграли пальцами на мигающих клавишах, и салон лимузина, руководимый вниманием беспокойных и цепких глаз юноши, приобрёл упорядоченную целостность, после чего тихо, но весьма внушительно, заурчал зверь моторно-ходовой части, и тело, угоняемого среди бела дня, белоснежного лайнера сползло с тротуара в реку автомобильной магистрали.

– Fuck off, stupid! – восторженно завизжала Дама в Розовых Очках, вертясь на сидении и оглядываясь на творимое за их спинами действие – на отчаянно догоняющих “Mercydance-Dance” сотрудников Госнаркодоноса, на толпящихся в двух метрах возле парковки зевак, мешающих своим скоплением представителям власти и, наконец, на лежащее на асфальте, среди улицы самого центра столицы, тело чернокожего иностранного гостя.

3. «ЛЮБОВЬ В ПУТИ»

Угоняемая машина, меж тем, удалялась от места происшествия всё дальше, оставляя в отражениях зеркал заднего вида блистательный и многолюдный центр, переулки, напрямую глядящие на самый Кремль Сквы и, полюбившийся всем столичным неформалам, торговый мегашоп музыкального профиля, со странным и ни к чему не обязывающим названием “Аэробус”.

Дама в Розовых Очках, управляющая огромным посольским автомобилем, выглядела, в сей миг, совершенно бесстрастной, хладнокровно безучастной, будто бы посторонней к происходящим с её лёгкой подачи событиям. Холёные и ладные руки её небрежно двигали рулевое колесо, в такт звучащей из динамиков музыки и появляющимся на пути поворотам. Всем своим видом преступница давала понять, что ситуация, в которую невольнo втянулся бедолага Мах совершенно не выходит за рамки её представлений об обыденности, словно тот лёгкий галоп, что она задала “Mersydance Dance”, был для неё, не более чем вечерней прогулкой. Эта её невозмутимость колко задела Макса, и поселилась в его разуме нарастающим беспокойством, беспокойством, заставившим вскоре заёрзать и тело юноши.

– Нервничаешь, Максик? – небрежно бросила ему Дама, не поворачивая головы.

– Ха-ха-ха! – истерически высоким смехом парировал её спокойствие Мах.

– Какой дурацкий смех! Я слышу интонации беспокойства и... даже трусости... – осекла его истерику Дама, и на секунду ослепила глаза юноши световыми бликами со своих очков, резко повернув в его сторону лицо.

– А разве это зазорно?! – обиженно сконфузился её упрёком Мах.

– Смотри – я не волнуюсь! – со спокойной бравадой ответила ему Дама, красиво махнув рукавом безупречного серебристого костюма.

– Ха-ха!... Да это же не нормально! Это же какое-то безумие! Как же можно не волноваться в подобной ситуации?! – снова выдавил из себя истеричный смешок Мах.

– Да, пожалуй, мы по-разному смотрим на вещи, но это – не более чем временный изъян. Вот увидишь, скоро и ты сумеешь легче относиться к динамичным ситуациям... – философски вразумила его Дама, делая особо крутой вираж на многоярусной эстакаде. От резкого поворота руля, машину бросило с центра шоссе к самой обочине, чудом удержав от соприкосновения с бетонным парапетом высотой в полтора метра. Тело Мах'а буквально размозжило по двери, а голова его громко стукнула в крепкое голубое стекло автомобиля.

– Держись крепче! И, вообще, расслабься, что ли! – бодро поддержала его Дама, сама оставшись невозмутимо стойкой,

в хладнокровном оцепенении расслабленного, будто опьянённого тела.

– Ты что, рулишь под музыку?! Мы же чуть не улетели с дороги! – ошарашено возмутился исполненным виражом Дама Мах.

– Улетели?! Да, пожалуй... Я-то вообще, частенько прибываю в улетевшем состоянии! А музыка – она, знаешь, придаёт какое-то дополнительное волнение... и я вообще люблю порулить под музыкачку! – с несвоевременным, звучащим весьма жестоко в сей миг легкомыслием, отшутилась Дама, удерживая в своей речи ровную, безучастную интонацию светской беседы.

– К чёрту! К чёрту! Я сливаюсь! Довольно на вечер! С меня довольно! – не выдержал шутки Мах, и задёргался, пытаюсь на ходу вскрыть дверь автомобиля.

– Блокирована! – с садисткой мягкостью в голосе, остановила его Дама.

– Останови тачку, не то раздолблю стекло! – совсем остервенел в желании удрать Мах.

– А ты сначала посмотри сюда... – совсем тихо, каким-то вкрадчивым голосом позвала его Дама.

– Чего? Куда? На что посмотри? – нервически закрутился на месте Мах, ошалело вращая глазами в поисках выхода.

– Сюда! Посмотри сюда, Максик... – ещё тише и вкрадчивей снова позвала его Дама.

– Куда? Зачем? – продолжал вырываться Мах.

– Сюда. Смотри сюда. Вот... вот сюда! – чуть громче и эмоциональнее, более настойчиво звала его Дама, заставив, наконец, отвлечься от животной паники, заставив, всё же, повернуть голову в её сторону. И стоило лишь ему зафиксировать свой взгляд на её лице, как прицел кидающих блики розовых стёкол в форме крыльев бабочки, отразившись в его испуганных зрачках, остановил разыгравшуюся панику, взорвав в голове Макса ослепительный фейерверк глушащей сознание психической атаки.

– В глаза! Смотри в глаза!... Смотрим и успокаиваемся... успокаиваемся... замираем... – ритмически и монотонно заговорила Велга, цепко удерживая зрачки юноши на прицеле своего жестокого взгляда, проникающего за рамки сознания через увеличительные стёкла розовых очков в форме крыльев бабочки.

– Отпусти! Отпусти меня! Пожалуйста, отпусти... – шептал Мах, заморожено вглядываясь в розовые стёкла. Глаза его покрылись дымчатой дурманной пеленой, рот приоткрылся, обнажив зубы. Тело, сохранявшее мятущую позу беглеца, оцепенело, застыв в неестественном, сковывающем расслаблении.

– Успокаиваемся и слушаем! Слушаем и спокойно повинуемся... повинуемся и не сопротивляемся... – монотонно выдавала одно заклинание за другим Дама в Розовых Очках, умудряясь, при этом, удерживать несущийся на бешеной скорости “Mersydance Dance” на ходу, и лишь краем гип-

нотизирующих глаз следя за дорожным движением.

– Слушаюсь! Я слушаюсь и повинуюсь... – шептал уже Мах, болезненно шевеля обескровленными пересохшими губами. Глаза юноши сделались совершенно стеклянными, дыхание приостановилось, а тело, потеряв волевой контроль, расплзлось на сидении, словно тряпичный лоскут.

– Слушаем музыку! Вслушиваемся в её настроение! Настраиваемся на музыку! Настраиваемся на её настроение... – продолжала колдовать Дама в Розовых Очках, уже менее напряжённо следя своими глазами за зрачками Макса.

– Я слушаю музыку... Она во мне! Она моё настроение... Моё настроение – это музыка! – зашептал в ответ на заклятия чародейки Мах, увеличивая, с каждым произносимым словом, силу голоса, всё более эмоционально оживая в каждой собственной фразе.

– Да! Да! Делай это! Ты и музыка! Музыка и ты! Вы – одно целое! – радовалась его пробуждению Дама, отвлекшись, наконец, от созерцания его глаз, и посвятив своё нераздельное внимание автомобильному движению. Пальцы её пробежали по клавишам пульта управления стереосистемой, настраивая доносящиеся из динамиков звуки на мощное и ладное, бескомпромиссное звучание.

– Какая это музыка?! – резко спросила, опьянённого грёзами Мах'а Дама, и щёлкнула пальцами, принуждая к ответу.

– Какая?... – пьяно пlying голосом, бессмысленно переспросил Мах.

– Какая она? О чём? Чего она хочет? – продолжила допытываться ответа Дама.

– Чего хочет музыка? – чуть внимательней, с интонацией зарождающегося понимания, снова переспросил Мах.

– Да! Чего хочет музыка?... Чего хочешь ты?! – с глубоким придыханием допытывалась Дама, настраивая “Lovemachinetown” “Supermax” на оптимальное, проникновенное звучание.

– Ооо! Музыка хочет... Музыка хочет того же, чего хочу я! – обалдело развеселившись, безумно улыбаясь, и глядя вникуда стеклянными глазами, с вожделенной интонацией, громко заговорил Мах.

– Да! Да! Чего ты хочешь?! Чего ты хочешь, Мах?! – вторя его вожделеющей интонации, всё более оживляясь в эмоциональном накале, настаивала на ответе Дама. Глаза её, при этом, делали хищные выстрелы в сторону плывущего в гипнозе юноши.

– Ооо... Я хочу... Я хочу... Я хочу любви! Да! Я хочу любви! Прямо сейчас! – разразился ожидаемым откровением Мах.

В ответ на столь страстно ожидаемую, но, тем не менее, прозвучавшую оглушающе сильно фразу, Дама в Розовых Очках отреагировала резким броском руля, отчего “Mersydance Dance” отлетел прямо на обочину, жёстко грохнувшись на бардюрном уступе. Белоснежное тело автомобиля круто развернуло, и выбросило в тень каштанового дворика

близ Садового кольца.

– Любви! – заморожено шептал Мах, делая короткие глубокие вдохи, словно раненное животное; расслабленные руки его, при этом, конвульсивно подёргивались, будто пронзаемые электрическим током, а само тело, по-прежнему, оставалось разможжённым в беззащитном параличе на сидении автомобиля.

– Любви?! Я дам тебе любви Максик! Иди же скорее ко мне! – яростно вздыхая повлажневшими губами и высоко приподнимая наполняемую воздухом грудь, потянулась к Максу Дама в Розовых Очках. Говоря это, она принялась неистово теревить застёжки на своём, играющем вечерними красками, блестящем костюме, освобождая вождедеющую белокожую наготу роскошной женщины.

Но сам Мах, сверкая остекленевшим взглядом, потея всеми порами разогревающегося от страсти тела, пропуская сквозь жаждущие движения руки и ноги импульсы электрической истомы, так и оставался прикованным к автомобильному креслу, оставался безнадёжно обездвиженным.

– Фу-ты, чёрт! Да что с тобой? Очнись мальчишка! Я хочу тебя! Очнись! Слышишь?! – набросилась на юношу Дама, разъярясь его неподвижностью. Белая, душистая потным испарением дорогого парфюма, плоть её нависла над его лицом и дрожащим, но неподвижным телом.

– Оживай! Проснись! Поднимайся! – уже хрипя от неистовства, принялась избивать юношу по щекам ладонями

Дама, оставляя на лице его красные полосы – следы тонких, длинных пальцев и кровоточащие порезы от острых ухоженных ногтей.

– Я хочу, хочу, но не могу пошевелиться! Я парализован! – оправдывался Мах, всё более ожесточаясь на свою немощность, всё более возмущаясь жестокостью беснующейся над его телом чародейки.

– Чёрт! Переборщила! Сама виновата! Да... Но кто же знал, что тебя так сильно зацепит этот проклятый гипноз?... Переборщила... Что ж? – уже успокаиваясь от охватившей её первой волны необузданной страсти, заговорила сама с собой Дама в Розовых Очках; руки её, при этом, нервически задёргали застёжки и лоскуты материи, прячущей центр Максого естества.

– А, вот! Ну, хоть здесь всё в порядке! – обрадовалась она, поймав в ладони искомый предмет.

Ощувив на центре своего естества её бескомпромиссную хватку, Макс издал громкий протяжный вопль, поджариваемого живьём на огне животного. Но возмущение его было тут же заглушено следующим импульсом откровения, сошедшим уже с самих губ Дамы, оказавшихся не менее хваткими, чем тиски ладоней.

Вдоволь искусав его, и напоившись жизнью юноши, Дама в Розовых Очках перебралась на сидение пассажира, и нависла над Максом, расположив свою грудь перед его лицом, а бёдрами устроившись на его коленях, заглотив своим ло-

ном единственную животрепещущую часть его организма.

Когда дело было сделано, в голове у Макса пролетела целая вселенная безотчётного времени, и он почувствовал, как окончательно проснулся от дурманящего колдовского сна, в котором, по сути, был бодр, но совершенно немощен и обезволен, каким-то страшным, оглушающим опьянением.

Дама в Розовых Очках снова сидела рядом, на месте водителя; в губах её тлела длинная тонкая сигарета, серебристый костюм оставался распахнутым, прикрывая плоть её лишь складками материи.

– Кажется, что-то произошло! Я, кажется, был не в себе, кажется, что-то пропустил? Что-то важное... – осторожно начал своё обращение Мах, осматривая, меж тем, свой разворошенный костюм и красноречиво распахнутую верхнюю часть брюк.

– Ты пропустил самое важное! Хотя впрочем, это уже не так уж и важно... – мечтательно, дыша чуть живее покойника, ответила ему Дама, не выпуская из опухших губ тлеющей сигареты. Теперь уже и её тело, а не его, как прежде, выглядело обездвиженным до безжизненности. Расслабленные руки Дамы покоились на рулевом колесе, а кисти, похожие на виноградные грозди обилием колец и перстней, свисали плетью в абсолютном опиумном спокойствии.

– Мы с тобой делали... мы занимались этим? – чуть заикаясь, неуверенно начал нащупывать нить воспоминаний Мах.

– Фактически мы ничего не делали. Я занималась этим,

а ты занимался чем-то другим... но, по большому счёту, ничего дельного из этого не получилось! – туманно съязвила Дама, начиная приходить в себя.

– Я помню, как мы ругались, из-за чего-то ссорились, помню, как хотел убежать от тебя... но это... ну, я имею ввиду – любовь, то есть – сек... этот момент в моей памяти где-то затерялся... я хотел бы уточнить... – продолжил заплетаться в собственной неуверенности Мах.

– Забудь. Всё это ерунда. Тебе просто не понравилось, как я вожу машину. Ты психанул, а я успокоила тебя. Потом мы снова помирились, и даже стали лучше понимать друг друга... – продолжила наводить туман объяснений Дама в Розовых Очках.

– Лучше понимать друг друга... Да! Сказано красиво... кстати, у меня на лице кровь... лицо расцарапано! – глядя в дверное зеркало, окончательно протрезвел Мах.

– До свадьбы заживёт! Забудь... – с наигранным безразличием попыталась остудить его возмущение Дама, полностью придя в себя от недавней неги, и снова взялась за управление автомобилем.

4. «гонка и разговор»

– Забудь, успокойся, слушай и повинуйся... Эти слова звучат у меня в голове как набат! Ты гипнотизируешь людей! И меня тоже... да! То, что между нами происходило, было вызвано гипнозом! Вот почему я ничего не помню! – ошеломлённый своей догадкой, воскликнул Мах.

– Лучше не думай об этом... Советую тебе по-хорошему! – мягко пресекла его Дама.

– Хм... а можно, значит, и по-плохому... – продолжил рассуждения, но уже говоря сам с собой, Мах.

– Будь проще! Со временем разберёшься, что к чему... – с обнадеживающим оптимизмом в интонации голоса, подбодрила его Дама.

– Сотрудники “Госнаркодоноса”, африканский посол, потом я... всё так просто! Раз, два и готово! Всего лишь – гипноз, да?!... Ерунда! Всего лишь – вырубающее сознание, воздействие взглядом!... Стоит ли ломать голову? Ерунда! – всё более заводился, вопреки увещаниям Дамы в Розовых Очках Мах.

– Гипноз? Да что ты вообще знаешь о гипнозе?! – возмутилась вдруг Дама, чуть не опрокинув “Mercydance-Dance” в кювет.

– Достаточно знаю! Ознакомлен, знаешь ли, с кое-какой литературой! – с бойкой гордостью возразил Мах.

– Ты имеешь в виду те лживые брошюрки, что хламятся на полках книжных лавок? Что ж... если ты воспринимаешь этот хлам всерьёз, то тебе можно лишь посочувствовать, ведь приняв написанное там всерьёз, можно окончательно и бесповоротно отупеть! – рассмеялась ему в ответ Дама, закуривая новую сигарету.

– А я вот не согласен! Вполне достойные вещи пишут в этих книгах! Взять для примера, хоть бишь, этого... а, вот – Меркурия Чкаренцева... Он объясняет очень многое, – почти всё, о чём можно задаться вопросом... очень полезная литература! – артачился Мах, интонацией голоса подражая какому-то ведущему популярной телепередачи.

– О-очень полезная литература! Чему же она учит? – еще развязней рассмеялась в ответ Дама и, неожиданно скривив лицо в гримасу упрямого негодования, с едким шипением языка меж зубов, пошла на запрещённый обгон на правом повороте.

– О, чёрт! О, боже мой! Что же ты творишь?! Мы же погибнем! – неистово заорал Мах, расплзаясь спиной по дверному стеклу.

– Чёрт, ,Бог и всё воинство небесное с Дьяволом в придачу!... Давай – вали всё в одну кучу! Чувствуется, не напрасная работа наставников из федеральной библиотеки, с центровым пастырем Меркурием во главе! – саркастично обрадовалась Максовой панической ругани Дама, выровняв машину в потоке движения.

– А ты что – читала Меркурия Чкаренцева? – пошёл на компромисс Мах.

– Наслышана, знаешь ли, о делах Меркурия... не токмо одного Чкаринцева, но и многих прочих... хотя, по сути, все они в одной упряжке: ратуют за гражданское просвещение! Особенно таких желторотиков, как ты! – смачно отшутилась Дама, и заулыбалась весьма довольно.

– Меркурия... ты подразумеваешь и... – округлил глаза в догадке Мах.

– Мне, знаешь ли, плевать на твоё преклонение перед авторитетами... я – женщина взрослая, самостоятельная, своим умом думаю! – холодно бросила Максу в ответ Дама, в очередной раз за вечер, ослепив его, отражёнными от стёкол очков-бабочки, неоновыми огнями с придорожной рекламы.

– Значит, я правильно понял твой намёк? Но, в таком случае, причём здесь политика? – уже уважительней, с таинственным шепотливым придыханием, продолжил выяснение истины Мах.

– Причём здесь Правительство? – с лёгким сарказмом переиначила его вопрос Дама, на что Мах сконфуженно загрыз ноготь и потупил испуганные глаза в пол.

– Механизм действий твоих авторитетов прост: для борьбы со свободомыслием они создают цензорскую преграду в виде сотен тысяч новых книг, фильмов и сайтов, культивируют сомнительных авторов, многословно вещают об Истине, о Судьбе, о Вечном, о Боге и прочем шаблонном идеа-

лизме. Рынок вопросов и ответов переполнен. Информация сочится из всех щелей! На каждую паузу тишины, у них всегда есть готовое умное слово. В этом канализационном потоке информации, любая ценная и достойная мысль тонет, как капля розового масла в луже с мочой. Очень действенно! Очень умно! Редакционная и псевдо-коммерческая политика защищает интересы власти! – выдала бесстрастное разъяснение Дама.

– Но ведь роль цензуры в запрещении, в умалчивании... – уже не ради спора, а скорее для вежливости, продолжил беседу Мах.

– Такая политика у них уже устарела... люди, всё равно, узнают что-то новое! А в ракурсе запрета, такая новизна становится особо вожаденной, — запретный плод сладок! А вот нынешняя политика цензурирования намного эффективнее: не надо ничего прятать, запрещать, наоборот – всё напоказ! А властям одна забота: знай себе – создавай новых идолов Великих Истин, наподобие твоего Меркурия Чкаренцева. Хотя... – тут Дама в Розовых Очках неожиданно запнулась и, как-то странно оглядевшись по сторонам, добавила: «Нет, не одна забота твоим Меркуриям... ещё забота – выявлять тех, кто действительно вкусил запретный плод!»

– Но ведь они, вкусившие, всего лишь, капли в море... Ты же сама сказала... – удивился противоречию Мах.

– Капли розового масла в луже мочи!... – назидательно подняв указательный палец, поправила его Дама.

– Ну и растворяются ведь? – снова удивился Мах.

– Капли розового масла – однозначно растворяются, но ведь есть на свете и другие вещества... например – ртуть, кислота и прочие сильнодействующие химикаты... и химикаты эти способны, даже одной своей каплей на весь объем нечистот, изменить их состав... – с ещё большей назидательностью в голосе, и даже с каким-то оттенком таинственности, продолжила вещание запретных речей Дама.

– Ты имеешь в виду образ мыслей отдельных людей? – подключился к её игре в метафорическое шифрование Мах.

– А вот здесь, маленькое “но”! – обрадовалась его внимательности к разговору Дама, и продолжила: «Видишь ли, Максик, все мы привыкли говорить о вопросах духовности в терминах интеллектуальных парадигм, хотя где-то порой витает такое выражение, как экстрасенсорика... но реально с этим явлением почти никто не сталкивается... в лучшем случае, профаны в этом вопросе, но специалисты в мире кино, кормят широкого зрителя всякой выдуманной ими чушью, не имеющей никакого сходства с реальными законами этой науки... Вопросы духовных метаний, остаются в сфере разговоров о капризных чувствах или разговоров о морали; а вот истинная экстрасенсорика – она-то, как раз, и остается в тени!... А почему? Потому что, это и есть – практическая сторона эзотерического знания! С моралью проще: её можно крутить туда-сюда, в зависимости от текущих выгод имеющих власть и граждан, словоблудствуя на любой лад, в от-

ношении любого житейского явления социального толка. А вот экстрасенсорика – это уже не социальное явление... это явление природное, регулированию фактически неподвластное... феномен, чудо! Поэтому, когда я возмущаюсь твоим незрелым высказываниям о гипнозе, я искренне волнуюсь, как бы не усугубить, и без того накалённую, ситуацию в наших с тобой отношениях с социумом...» – сказав это, Дама вновь посмотрела на Макса в упор, но уже продолжительней прежнего, явно ожидая его реакции и ответа на слова.

– Ты имеешь в виду погоню сотрудников “Госнаркодоноса” и угон этого “Mercydance-Dance”? – уже догадываясь об истинном значении слов Дама, но болезненно боясь вскрывать в себе понимание истины, лживо и глупо спросил Мах.

– Я имею в виду гипноз! Имею в виду то, что засветившись рядом со мной, ты становишься соучастником не в простом уголовном преступлении, а в преступлении против порядка вещей... посему, помни, что с сей поры, ты – вне закона, но не только государства, а общества в целом... мужайся, Максик! Назад дороги нет! – сокровенно выдала Дама, и прибавила скорость, устремив автомобиль в образовавшуюся пройму.

Лихо, с жужжащим по стёклам вихрем, они пронеслись по подземной эстакаде, изрешетившей внутренности салона “Mercydance-Dance” яркими белыми полосами света, отброшенного от фонарей подземки.

Пролетев сквозь эстакаду, они вырвались на встречу, воз-

высшающемуся над шоссе́йным пригорком, вечернему, сиреневому и розовому небу; а поднявшись на пик холма, благоговейно замерли, при открывшейся внизу панораме, панораме громадного города и, сидящего над ним, над крышами домов, над исчезающими в сумерках парками и аллеями, багрового, громадного как арбуз, солнца.

Увидев солнце, в его предзакатном, прощальном великолепии, Дама в Розовых Очках и Мах ахнули в унисон и, непроизвольно, без каких-либо мыслей и желаний, взялись за руки, сжав ладони друг друга в тёплом взаимопонимании, разговаривающих без посредничества ума тел.

В полном молчании, держась за руки, словно дети, они пронеслись на бешеной скорости по Калининградскому проспекту. Вечерние огни уличных фонарей пересиливали уже свет, растёкшегося кровавой полосой вдоль горизонта заката, от чего, голубые среди дня, окна их автомобиля окрасились в уютную радужную палитру с преобладающим сиреневым оттенком.

В “Mercydance-Dance” поселилась ночная атмосфера, замыкающегося на самом себе, мира сладострастия и неги. Играющие на приборной доске огоньки ожили, развлекаясь в полную силу своего многоликого свечения, даря путешествующим в салоне автомобиля людям радость компании разноцветных бликов. Дама в Розовых Очках опустила ладонь на CD пульт и, поиграв пальцами, оживила запряганный до вечерней поры альбом с музыкой в стиле «Трип-Нор».

Полившийся из динамиков автомобиля, мечтательно-пьяный женский вокал потянул слушателей за собой, затягивая с каждым припевом всё глубже, куда-то вниз, в мистическую, завораживающе таинственную неизвестность. Нарастающий, расплзающийся во все стороны, плывущий гул синтезатора, словно колышущееся море, удерживал на своей зыбкой глади корабли встроенных в композицию звуков, а ритмическая основа мощных барабанов била снизу вверх, словно желающий разразиться извержением вулканов, пульс самой земли.

С проспекта, Велга свернула во мрак душистых, спрятанных под защитой высоких тополей, сумеречных переулков Балтийского района.

Покружив среди сонных, укутанных в чёрную вечернюю листву дворигов, она вывела машину, к открывшейся их взорам, широкой, освещённой приглушенными огнями площадке, площадке, лежащей порогом перед тяжёлым и низким, кирпичным домом. Окна этого дома были наглухо заделаны ржавыми листами железа, и весь он, будто спящий старик, неприветливо громоздился среди густых теней каштановых деревьев. Лишь одна парадная дверь – монументальная сейфовая заслонка, с облупившейся поверх толстого железа чёрной краской, была подсвечена, едва теплящейся и старомодной, шестидесяти-ватовой лампочкой, подвешенной на облезлом проводе перед крыльцом. Тусклая эта лампочка давала света ровно столько, чтобы можно было уви-

деть угрюмую неприступность парадного, и отказаться от посетившего зачем-то желания войти в сей замечательный дом. Под каштанами, призрачно поблескивая хромированными рамами, затаилось несколько десятков мотоциклов – изысканно изогнутых в вызывающую дугу свободолюбия байкерских чудищ.

Вегла приглушила мотор, и Мах, прислушавшись к уличным звукам, отметил неестественную тишину, гнездящуюся вокруг хмурого дома, тишину настораживающую, прислушивающуюся в ответ к лежащему перед крыльцом миру, тишину, изучающую пришельцев, остановивших белый “Mercydance-Dance” в её гнетущем и тёмном, магнетическом поле.

– Крутое местечко! – сделал вывод Мах, многозначительно выпятив нижнюю губу и причмокнув.

– “Дилленджерз” клуб – последний приют для заблудших байкерских душ! – волнующим шепотом, интригующе сообщила Дама.

– Байкерских душ? Это таких бородатых оборванцев, гоняющих на “Хардлеях” среди ночи? – решил бравировать наносным бесстрашием Мах.

– Почти угадал, но у этих ребят также есть и иные, более изысканные интересы... – снисходительно заулыбавшись, согласилась Дама.

– Никогда не принимал подобную публику всерьёз! – зачем-то насупился Мах, внутренне завидуя залихватским

перспективам всадников изящных железных коней.

– Попробуем познакомиться? – азартно предложила Дама и, отворив дверцу, выпорхнула из автомобиля вон.

Страхнув с себя дурманящую отупелость, Мах поспешил за своей Дамой и, пошатываяющейся походкой приблизился к ней, стоящей уже у самых железных ворот таинственного клуба и, как тинейджер в ожидании дискотеки, пританцовывающей с ноги на ногу.

– Откройте, гавнюки! – истошно выкрикнула Велга, прижав лицо к крошечному глазку, испускающему в плотную темноту ночи зелёный лучик лазерного света, и принялась неистово лупить в дверь мыском своей модной, дорогущей, прозрачной туфли.

– Кого там принесло?! – басисто донеслось с той стороны входа.

– Тех, кому нет спасения от жирных свиней! – дерзко бросила в ответ Велга, уподобляясь средневековой игре в паролли.

– Ага! Свои! Это – свои! – обрадовано отозвалось за дверью сразу несколькими голосами.

Замок щёлкнул, и в темень дремлющего дворика исторгся клубящийся пар жарко прокуренного помещения; вместе с паром на асфальт парадного вывалился косой прямоугольник едкого зелёного света, да шумный мотив рок-н-рольной композиции.

– Велга?! Да ты не одна?! – возбужденным басом попри-

ветствовали наших друзей, стоящие с обратной стороны входа, высокие тени.

– Этот шалопай со мной! Он не свинка! – ответила им Дама, кивнув в сторону Макса, и шагнула в дымный проём зелёного света.

Немного ропща, но не так сильно, чтобы по-настоящему бояться, очарованный приключением Мах вошел за Дамой следом, и очутился в тёплом, душном помещении с высокими потолками, украшенными светящимися проводами, образующими в своих переплетениях узор, чем-то напоминающий паутину. Вместо люстры, в самой вышине холла болтался, пошевеливаясь от дымных испарений, собранный из неоновых трубок, разноцветный светящийся паук, паук с весёлыми глазами и отчаянно счастливой улыбкой, демонстрирующей редкие, белые, полимерные зубки.

Максу показалось, что паук шевелит своими лапами с белыми рукавицами на кистях, в такт доносящейся откуда-то из глубины помещения музыке.

– Добро пожаловать в Дилленджерз клуб, пипл! – приветственно остановил Велгу и Мах'а длинноволосый человек в мешковатой и рваной льняной рубахе. Расшнурованный ворот этой рубахи, без молнии и пуговиц, обнажал широкую волосатую грудь незнакомца, со впутанными среди неопрятных зарослей бусами и разноцветными нитками с висящими на них амулетами. На ногах патлатого незнакомца красовались расклевённые, изрисованные до отсутствия свободного

ключка, порванные во многих местах и кое-где залатанные в разнóбой цветными кусками материи, джинсы. Ступни патлатого были босы и черны от грязи.

– Дон Джон – шнифтовой¹! – любезно кланяясь, представился Максу патлатый босоножец.

– Мах... – буркнул в ответ Мах, совершенно потерявшись. Облик представившегося Доном Джоном незнакомца оказался слишком необычным для какого-либо определения этого человека в рамках привычных стереотипов. Мах растерялся, совершенно не представляя себе, о чём можно было бы заговорить с патлатым, а еще более – о чём бы говорить не следовало.

– А ты не гони по порожняку! Оглядиись, децл пообвыкнись, авось и притерсишься! Здесь необычно, конечно, но до обалдения клёво! По большому счёту – все свои, хотя люди попадаются разные. А если ты сам далёк от свинства, и тебе по духу именно человеческое и возвышенное, то тебе здесь будет по приколу! Всем отрицательно настроенным к свинству здесь – дом родной! – с сострадательным задором заглядывая Максу в самые глаза, объяснился патлатый.

– Ты уж извини меня, Дон Шон, но я пока не врубаюсь в то, кто же такие, эти, как вы их называете, свинки? – отважился на диалог Мах, видя, что от нового знакомого не ис-

¹ шнифтовой – в жаргонном обороте обозначает стража с внутренней стороны тюремной камеры, то есть – стража того, что находится внутри, того, что необходимо охранять от посягательств из внешнего мира.

ходит какой-либо угрозы или формализма.

– Свинки? Ах, да – разумеется! Ты ведь, судя по возрасту, из поколения индиго... ещё, наверное, не встречал настоящих хайеров²... и, конечно, заморочек хайеровских не догоняешь... А свиньи?... Да вот, вот же они! – и патлатый, широко взмахнув грязным рукавом, указал на стену, где в алой круглой неоновой раме висел странный коллаж. Выглядевший скорее как дорожный запретительный знак, коллаж этот содержал в своём перечёркнутом красной отрицающей линией круге, детского вида рисунок свиной морды с гротескно очеловеченными чертами.

Мах, увидав такое, обескуражено пожал плечами, не зная, что и думать.

– На первый взгляд – какой-то глупый кич, так?... Но не спеши со скороспелыми выводами, брат! В этом знаке таится глубокий смысл!... Видишь эту мерзкую морду? То ли человек, то ли свинья – сразу и не разобрать... это и есть облик того, кого мы кличем свинками! Обрати внимание, какая у неё важная морда! Уверен, этот портрет рождает в тебе целый ряд сравнительных ассоциаций... Нарисовано вроде просто, но ведь – гениально! Передана сама суть свинки, схвачены ее основные черты! А ведь большего и не надо. А всё потому, что все свинки, по большому счету, на одно лицо, то есть – на одну морду, разумеется. Ну и главное – это запретительная суть символа, делающая его знаком. Обозна-

² Хайер – (от англ. Слова high – возвышенный – жарг.) человек-возвышенный...

чает сей знак, разумеется, одно: вход запрещён, свинкам – входа нет! – выдал своё скрупулёзное и совершенно бредовое объяснение патлатый оборванец шрифтовой Дон Джон.

5. «лягушка с укропом»

– И всё же, Шон Джон, я так и не услышал о том, кто же такие, эти фиговы свинки... понял, конечно, что здесь их не чувствуют... Но, кто они – эти свинки? Как распознать их?... Этого, я так и не понял... – усердно добивался своего Мах, а, заодно с налетевшей пьянящей волной древнего как сам hard-rock вокала Роберта Планта, проникся симпатией к бо-соному аборигену Дилленджерз клуба.

– О, да! Это – cool question! Прямо по сути!... А кто же, в действительности, они такие, эти фиговы свинки?! – вос-торженно поддержал вопрос Мах’а шнифтовой, продолжая уходить от понятного для него ответа.

– Извините за вмешательство в разговор, но я считаю своим долгом внести ясность... Ведь это, не просто свинки, поскольку просто свинки – они свинки и есть, а это – именно, те самые – “политические свинки”, о коих было так много говорено стариком Чарли Мэнсоном и его соратником Эбби Хоффманом³, в славные шестидесятые! – неожиданно вторг-

³ Эбби Хоффман – лидер движения хиппи в 60-х годах прошлого века в США. Писатель, публицист, отказавшийся от гонораров за свой бестселлер со скан-дально-известным названием “Укради это” – книги, где призывал покупателей, игнорируя процесс покупки, тайно брать книгу с прилавков без платы. Особенно скандальную известность ему принесла организация акции массового непо-виновения и протеста против пуританской морали, устроенная в центральном парке Нью-Йорка, близ Рокфеллер-центра, прямо под Эмпаер стейт билдинг, ко-

ся в завязавшуюся между Максом и патлатым оборванцем шнифтовым беседу низкорослый неформал с греческим, переломанным на все лады носом и аурой чёрных курчавых волос, держащихся на голове в стиле “raggy”.

Макса сразу обескуражило то, с какой дерзкой развязностью держит себя этот тип, одетый в шитую серебром, старомодную рубаху с широко распахнутым воротом. Вместе с тем, брюки греконового неформала, в отличие от помоечных джинс Дона Джона, лоснились чистотой и выглаженностью блестяще чёрного атласа. На ступнях у него красовались лакированные туфли с высокими каблуками, совершенно не спасавшие хозяина от низкорослости. Вообще, неформал “raggy” выглядел весьма безбедно, но подчеркнуто небрежно – словно богач, инкогнито вписавшийся в компанию оборванцев.

– Именно! Они самые и есть! Естественно – “политические” свинки! – задорно поддержал своего клубного товарища Дон Джон и, щёлкнув пальцами так, словно что-то забыл, с явным уважением в голосе добавил: «Раз так говорит Че, то стоит к этому прислушаться! Ведь Че, в нашем клубе – знаток достойных древностей... Он знает всё о становлении движения хиппи, разбирается в стилях музыки, в жанрах, в

торую участники акции (более 1000000 молодых американцев) проводили нагишом. Умер Эбби на одном из островов Карибского бассейна, в одиночестве читая третий, опубликованный в ту пору том Карлоса Кастанеды. По одной из версий независимых экспертов, страницы последней, не дочитанной до конца Эбби Хоффманом книги, были пропитаны ядом спецслужб.

сленговых оборотах. В общем – знаток! Да и внешне, наш славный, эрудированный старина Че, до обалдения похож на Эбби Хоффмана!»

– А почему, именно Че? – поддержал энтузиазм в уважении к приятелю Дона Джона Мах.

– Отец у меня банкир, а я – неформал, хиппи, революционер! – ответил за себя сам неформал gaggy.

– Вот и познакомились! – немного перебарщивая, обрадовался Дон Джон и, покопавшись в обвислых карманах равных джинс, извлёк на свет, замотанный причудливыми узлами, грязный носовой платок, по видимости служащий ему заменителем кошелька, ибо развязав один из узелков, шнифтовой представил вниманию приятелей, хранимую в недрах материи, ярко коричневую, порошкообразную субстанцию растительного происхождения, со светло-зелёными вкраплениями, измельчённых листьев какой-то травы, комментируя это дело так: «За знакомство, так сказать, братья!» – обратился к приятелям Дон Джон и, без каких-либо разъяснений, принялся приколачивать дроблёное, коричнево-зелёное растительное нечто в пустую папиросную гильзу.

– Он ведь только вошёл... – мягко предостерёг клубного товарища неформал gaggy Че.

– Вошёл?! Ха! Разве в “Дилленджерз” входят?... В наш клуб следует влетать, а не входить! – разудало выпучив глаза, возразил неформалу Че шнифтовой и, не ожидая дальнейших согласований, запалил приготовленную папиросу.

– Вообще-то я уже немного того... Хотя, конечно, не откажусь от пары затяжек! Но сначала скажите, что это такое?!... – без особой настойчивости, попытался возразить Мах, тогда как глаза его вождеденно внимали манипуляциям с модельной папиросой.

– Что это?... Флаерс⁴, конечно! – убеждённо уведомил Макса Дон Джон, придерживаясь изначально заданного стиля неопределённости в выражении своих мыслей.

– Высушенная лягушка с укропом⁵! Верное средство для борьбы с собственным свинством! – пафосно выговорил неформал gaggy Че, заглядывая Мах’у в глаза взглядом дерзким и воинственным.

– Пойдет! Лягушка с укропом – моё любимое лакомство, особенно, когда чувствую, что вот-вот насвинячу... – парировал вызов Мах, и затянулся глубоким вдохом из чадающей самокрутки.

– Не свинка! – резюмировал ответ Макса Дон Джон и, улыбаясь коричневыми зубами, затянулся следом.

– Свой чувак, потянет на “хайера”! – согласился со шнифтовым Че, ослабив воинственное давление своих чёрных

⁴ Флаерс – под этим, расхожим в клубной, танцевальной среде понятием, шнифтовой подразумевают входной билет или пропуск.

⁵ Лягушка с укропом – покажется смешным, но, действительно, и некоторые лягушки (как правило – их кожа), и даже простой укроп, являются психически активными средствами, галлюциногенами. В мировой практике был прецедент, когда глава антинаркотического ведомства одной из стран Восточной Европы предложил запретить легальный оборот укропа внутри своей страны.

глаз.

Снова приняв окурок из пальцев товарища, Мах принялся к струящемуся дыму и, чихнув пару раз, закурил с безнадежным отчаянием. Вкус и запах зелья отдавал чем-то неопределённым, но одновременно знакомым, вызывающим ассоциации с блуждающими среди босоногого детства воспоминаниями о брусничном мхе и ромашковых лугах.

– Вот, смотри! Это мои новые стихи! Сочинил их пару дней назад! – с непринуждённым восторгом малого дитяти, отвлёк Макса Дон Джон, тыча обгрызенным ногтем в свой носовой платок. На платке его действительно виднелись строки рифм, выведенные корявым, торопливым почерком.

– Это про него – про наш тотем⁶ – про символ клуба! – объяснился Дон Джон, кивая вверх, на потолок, на висящего вместо люстры, неоновом-галогенно-полимерного жизнелюба-паука.

– Никак не разберу, что здесь написано... – озадаченно проямлил Мах, пытаясь вчитаться в небрежные каракули на засмарканной поверхности платка.

– А дай, я сам прочту! – обрадовался шнифтовой, и, вырвав сопливый лоскут из Максовых рук, пафосно осанился и выставил босую ступню вперёд, не забыв, между прочим, передать по очереди дымящуюся папиросу.

⁶ Тотем – символ уподобления какому-нибудь животному, использовавшийся в глубокой, нецивилизованной древности практика, воспитывавшая в охотниках, необходимые для выживания в природной среде качества.

Снова взявшись за окурок, Мах затянулся смелее прежнего, ощущая обнадеживающее отсутствие какого-либо эффекта от скуриваемого зелья.

– Кто в углу укромном, тихом, молча делает, что хочет, – выразительным, таинственным шёпотом начал читать с платка Дон Джон, но тут же остановился, и защёлкал пальцами, призывая окружающих к вниманию.

Неформальный gaggy Че – революционер и сын банкира, заодно с оболтусом Мах’ом, неожиданно резко почувствовали, как сознание их принялось рассеиваться вокруг, двигаясь прямо от внутреннего центра естества человека, и заполняя собой окружающее пространство, цепляя, в расширении своём, каждый встречаемый на пути предмет, звук, свет, ощущение, мысль.

– Взлетаем! – задорно подмигнув, обрадовал Макса сын банкира Че, кивком указывая на начавший уползать из под ног пол клуба.

– А кто это?! То есть, кто делает, что хочет, в тихом, укромном уединении? Что за тайна здесь сокрыта?! – оживился вдруг Мах, начав беспокойно оглядываться, словно ища ориентир в незнакомом пространстве.

Не отвечая ему ни слова, Дон Джон схватил юношу за руку и, встряхнув, указал своим щетинистым, упрямым подбородком в центр потолка, на шевелящегося неонового паука.

– Кто? Кто он?... Ах вот оно в чём дело! Вот оказывается, где тайна притаилась! – эйфорически выдохнул Мах; и Че, с

Доном Джоном озадаченно переглянулись.

– Кто в углу укромном, тихом, молча делает, что хочет, от того в награду лихо, ожидай, – он всех морочит! – не сбиваясь на начавшийся неадекват, продолжил своё чтение Дон Джон, но в этот раз, помехой его чтению, пришел черёд революционера Че, который, реагируя на происходящее до последней секунды адекватно, вдруг принялся за задорный припляс, заданный басовым ритмом hard-роковой частушки Джимми Пэйджа, рвущейся из холла клуба к выходу.

Оказавшийся, либо самым крепким, либо слишком настойчивым в желании донести до людей рифмованное Слово, Дон Джон встряхнул заодно и своего приятеля Че и, так же, как прежде Макса, направил его внимание на плавающего среди паутиного потолка паука.

Нацелив заблудившийся в рок-н-рольных грёзах взгляд на потолок, неформал Че оторопел и, подобно Мах’у, вскрикнул, но не эйфорически, как тот, а испуганно.

Паук, для всех троих, одновременно взирающих на него товарищей, выглядел совершенно живым, то есть – одухотворённым, заключённым лишь в плоть, не органического и животного свойства, а электрически-полимерную. Совершенно лишённый каких-либо сомнений на повод собственного существования, паук взирал на нашу тройку вкусивших от тайны людей с подобающей настоящему живому пауку, хищнической иронией.

– Кто в углу укромном, тихом, молча делает, что хочет,

от того в награду лихо, ожидай, – он вас морочит! Берегись беспечья праздных, затаившихся по норам... миллионы ядов разных, праздным сочтется по порам! Вы спешите вникуда, алча нег и колбасы, а у хищника всегда есть терпения часы! – изрёк на одном дыхании Дон Джон и, подняв локоть выше головы, растопырил пальцы веером, и резко сжал их в кулак, от чего тело его пронзилось волной оживляющей энергии. Своим энергетическим жестом, произведённом на последнем слоге, Дон Джон будто ударил паука снизу в живот, от чего тот шевельнулся с такой силой, что сомнения в его одухотворённости уничтожились окончательно. Че с Максом вновь ахнули в унисон, поражённые этим энергетическим ударом, соединившим в себе силу слова и духа.

– Дух оживляет плоть! Дух будоражит материю! Стихи и сушёные лягушки, против жирной плоти политических свиней!... Кто сильнее?! – воодушевлённо скандировал шнифтовой и, уподобляясь сыну банкира, тоже бросился в пляс, выбивая своими босыми пятками с пола облака пыли.

– Кто же они такие – эти политические свинки? – продолжал допытываться Мах. Этот вопрос заинтересовал его настолько, что, пребывая даже в изменённом состоянии сознания, он настаивал на получении ответа.

– Иди вперёд и узнаешь! Нет, не иди, а лети! Лети, тогда поймешь всё сам! – эйфорически кивнув, направил его поиск революционный Че, грациозно махнув воздушным шёлковым рукавом в сторону манящего зияющей тьмой холла.

– Лети! Лети же! – вторил ему Дон Джон, направляя в сторону коридора открытые ладони, впитавшие в себя напряжение всего его танцующего тела, ладони испускающие поток силы.

Вновь, в очередной за сегодняшний странный вечер раз, отбросив все свои мысли прочь, Мах раскинул руки в стороны и, удерживая их на уровне плеч в широком размахе, словно крылья, ринулся в чернеющий холл клуба. Тело его, поддавшись внушению и необычному опьянению, колыхнулось и, потеряв ощущение гравитации, полетело вперёд.

Коридор оказался необыкновенно длинным, и, несущаяся из глубины его, тяжёлая рок-музыка нарастала в своем мрачном величии, приближаясь с каждым пролетаемым метром черноты.

Вот вдали забрезжил свет – растекающееся в зелёно-голубую бензиновую лужу сияние, сияние, производимое лазерами, стрекочущими мертвыми лучами свой злой танец, сквозь дымную пелену благовонных испарений.

– А вот и ты, малыш! – мерцая крыльями бабочки розовых очков, приветствовала Мах'а Велга.

– Я летал! Я летал сейчас! – возбуждённо начал делиться с ней своими впечатлениями он.

– Люди способны летать, Максик! – поддержала его Дама, снисходительно улыбаясь.

6. «В клубе»

Из громадных динамиков, хаотично наваленных прямо посреди пола залы, в которую попал Мах, разрывая дымный воздух на вакуумные пустоты, бил железным, безжалостным аккордом тяжелый, сшибающий с ног heavy-metal rock. Глубокий сатанинский вокал, обезумевшей от кокаина и секса Доры Хэш, выворачивал плоть наизнанку, заставляя призрак души ощутить смерть и, сопутствующее ей, свободное парение эфира в чистом космическом вакууме.

– I'm a lady in a rock 'n' roll hell!... – визжала осатанелая Дора, и Мах ощутил возникшую под воздействием этого голоса эрекцию.

– А где же ты оставил своих весёлых приятелей? – поинтересовалась Велга, лукаво поджав губы.

– Шона Бона и этого, похожего на лидера движения хиппи прошедшего тысячелетия? – с легкомысленной иронией уточнил Мах, не отвлекаясь на беседу целиком, более внемля эмоциям, разгулявшимся под воздействием рока.

– Дона Джона и Че! Кажется так их называли всё последнее время. Неужели они не произвели на тебя никакого впечатления?! – удивилась Велга, мягко поправив Макса.

– Впечатление?... – отвлёкся от музыки Мах, и выкрикнул совсем категорично: «Да они – настоящие сумасшедшие!»

Ведут себя совершенно непредсказуемо! Разговаривают god пойми о чём и, наконец, – их дежурное блюдо – я имею в виду лягушку с укропом... Очень странные ребята!»

– Необычные, неординарные, пожалуй, слишком экстравагантные, но сумасшедшими их, я называть бы не торопилась... – мягко настаивала на своём Дама в Розовых Очках, усаживая Макса за один из столиков, полукругом опоясывавших возвышенность миниатюрной эстрадной сцены, пустующей в сей миг, но освещённой ярко и заманчиво. За соседними столиками Мах разглядел укутанных сизым табачно-марихуановым туманом патлатых, кожанно-клёпанных бородачей, с наряженными им под стать девицами, развлекающимися сидением на мужских коленях и танцами на столах.

– Крутое местечко! – присвистнув, заметил Мах.

– Диллинджерз клуб – последнее прибежище для заблудших байкеровских и хиппующих душ! – повторила сказанную при входе в клуб фразу Велга, многозначительно кивая головой.

Композиция завершилась и, на смену ей, из динамиков забренчало что-то старенькое, кажущееся совсем лёгким гитарным соло, сорвавшимся вдруг, на второй минуте, в разнужданный хард звёздного класса.

– Ковердейл и Пейдж поют вместе! Мне эта композиция напоминает теорию о восходящем и нисходящем потоках энергии Ци... – послышался за спиной у Макса голос одного из вновь приобретённых приятелей, а точнее – Эрудита Че.

– Что там теория! Я вот, реально торчу от этого сонга! Их песнь божественна! Или нет – даже более того – их песнь заоблачно офигитительна! Ведь они — корифеи хард-рока, Че? – донёлся следом ещё один знакомый голос шнифтового Дилленджерз клуба.

– Дэйв и Джимми? Сказать о них, что корифеи – значит не сказать ничего!... Это первооткрыватели, проводники Слова Господня в мир материальный, инструменты Горнего мира, доносящие до нас симфонию звуков Олимпии и Астарота! Об их подвигах ходят легенды... взять хоть эту, что имела место в 69—ом... – красноречиво вторил другу кривоносый коротышка Эрудит Че, но был прерван в изливаниях витийств Дамой в Розовых Очках, остановившей эйфорическую болтовню неформалов взмахом руки, и предложением составить ей и Максу компанию за одним столиком.

На предложение её болтливые неформалы охотно согласились, с шумной суетливостью принявшись обустроиваться за столом.

Шнифтовой “Дилленджерз” клуба оборванец Дон Джон немедленно разложил к всеобщему рассмотрению, принесённые с собою предметы; среди которых Мах опознал знакомые ему, а именно: компактный компьютер, спутниковую радиостанцию, коробку с патронами для автомата Шапошникова калибра 7, 42, и запрещённую к продаже правительством глобалистов газету радикальной подпольной организации “РОЗЯГ”* с колоритным названием “Вопли Людские”.

Вместе с указанными, знакомыми Максу предметами, разложенными на столе, оказались и незнакомые ему в своём применении вещи, среди которых, сверкая бликами угольных граней, красовался великолепием крупный кристалл, величиною с мужицкий кулак, какой-то фольклорный музыкальный инструмент, схожий с изготавливаемым из китового уса варганом тунгусских шаманов и, наконец, выдавший виды кожаный мешочек, величиной с голову грудного младенца, мешочек, таинственно шевелящийся, и, по-видимому, содержащий в нутре своём что-то живое.

– Раритет! – обводя глазами странные предметы, комментировал разложенное им среди стола богатство шнифтовой.

– Ценный для этнологов и бесценный до гротеска для посвящённых в языческие мистерии – раритет!... – с таинственным придыханием дополнил комментарий шнифтового Эрудит Че.

Не зная, как ответить на такие заявления, Мах обратил недоумевающий взгляд к очаровательной в своем спокойствии Велге, которая, не утруждая себя какими-либо комментариями, кивнула ему в ответ с многозначительной грацией.

«РОЗЯГ» – Ратная Община Заготовителей Ягод и Грибов.

– Мне всё это напоминает какое-то фетиш шоу... – гнусаво промямлил Мах, оглядывая необычные предметы, раз-

ложенные средь стола.

– Достойная внимания богов и духа жизнь, становится похожей на непрерывное фетиш шоу... – мягко согласилась с ним Дама.

– Я, с вашего общего позволения, пожалуй, начну по порядку, свой, так сказать, экскурс в тайну! – деликатно поклонившись, предложил Че.

– С нашего общего позволения! – бравадно согласился с Че шнифтовой, эффектно подняв руку с раскрытой ладонью.

– Посмотрим, чем это станет для Мах'а – общеразвивающим экскурсом в тайну или, может быть, самой мистерией посвящения?... – с глубокомысленным лукавством, одобрила начинание Велга.

– Беря во внимание то, как вы познакомились с сим молодым человеком, уважаемый Нагваль, можно предположить, что и мистерия посвящения не окажется для него чуждой... – премудро намекнул на что-то, ведомое лишь некоторым из их компании Эрудит Че. Услыхав его слова, Мах недоуменно и, вместе с тем, растерянно приподнял брови в немом вопросе, обратив лицо к Велге.

– Я уже успела посплетничать с мальчиками о наших с тобой похождениях, малыш... – жеманно оправдалась перед Максом Дама.

– Похождения, похождения... пожалуй, они сгодятся для написания детективного сценария! – внёс своё замечание шнифтовой и, включив компьютер, кивнул на экран мони-

тора, приглашая компанию к просмотру.

Интернет проводник быстро вывел зрителей на программу специальных жандармских новостей, где вещалось о событиях криминального толка и всякого рода ЧП, обнаруженных по горячим следам.

На экране нарисовалась панорама центра столицы с ведущими к Кремлю улочками, полными роскошных магазинов и правительственных резиденций в патрицианском стиле эпохи ренессанс. Вот, в поле ведения видеокамеры появился антикварный салон, за ним арт-галерея и, наконец, знакомый всем прогрессивным аборигенам столицы, в своём помпезном и откровенно либеральном величии, – сам гипермаркет “Аэробус”, с облокотившимся на его сверкающую белизной стену, кирпичным и ветхим стариной sex-шопом.

– Кузнецкий Мост! – громко ахнул Мах, и тут же замер, онемело уставившись на появившийся среди экрана белый “Mercydance-Dance”. Вся произошедшая перед угнанным лимузином сцена запечатлена была весьма выразительно – по всей видимости – с балкона соседнего дома, позволяя смотрящим детально взглянуть в портреты и малейшие индивидуальные особенности творящих преступное действие героев.

Макс ахнул ещё громче, отчётливо рассматривая на экране своё лицо, и вышитый на собственной модной майке конопляный лист.

Отснятый на плёнку образ Дамы в Розовых Очках смот-

релся неестественно гротескно, на фоне блуждающей вокруг толпы горожан. Она действительно, как было говорено ею прежде, казалась слишком вызывающей – либо сошедшей с Олимпа киноиндустрии звездой, либо вовсе – персонажем другой эпохи, эпохи в которую некоторым людям ещё пришлось выставление напоказ толпе своей знатности и величия.

Трудно сказать почему, но, будучи преподнесённой спецкорреспондентами, та сцена, в которой пару часов назад участвовал Мах, воспринималась весьма драматично. И хотя никто из действующих лиц, представленных на экране, не грозился оружием, и не производил какого-либо физического насилия, Дама в Розовых Очках и Макс были представлены эдакими залихватскими злодеями, делающими что-то чрезвычайное.

– Это ритм музыки и специально подобранный голос диктора, создают такое гнетущее впечатление... – вмешалась в ощущения Макса Велга.

– Они разыгрывают этот фарс повсеместно! – оживился на слова Дамы Эрудит Че.

– Поэтому их и называют свинками! – вставил свой традиционно девиантный комментарий Дон Джон.

– Да! Они делают любые вещи: идут на подмены, манипулируют фактами, лгут... и всё это – ради поддержания собственной безопасности и власти! – горячо согласился с шнифтовым Революционер Че.

– Кто?! Ведущие криминальных новостей делают это? – искренне не догоняя сути беседы, задал свой очередной неудачный вопрос Мах, раззадоренным вниманием своим следуя за подключаемым к репортажу, всё новым и новым видеокамерам, расставленным на пути, убегающих от преследования оперов Госнаркодоноса наших героев.

Предоставившие свой материал для этого репортажа видеокамеры следили за Максом и Дамой, вплоть до съезда “Mercydance-Dance” с Калининградки, во тьму, поросших зеленью деревьев дворики Балтийского района.

По завершении видеорепортажа на экране появился диктор, принявшийся вещать эмоциональные комментарии к отыгранному сюжету, и Мах переключился внимать и словам, говоримым о нём и его похождениях в обществе Дамы в Розовых Очках.

«По предварительным сведениям, предоставленным нам Министерством Внутренних Дел, преступные сообщники, угнавшие сегодня вечером автомобиль посла Нигерии и оказавшие вооружённое сопротивление сотрудникам Госнаркодоноса, являются нигде не работающими гражданами, давно уже вставшими на тропу преступного промысла... так, конкретно: один из них – Максим Юлин опознан многочисленными свидетелями, как активный распространитель наркотиков... причём, занимался своим промыслом этот молодой человек в оживлённых, общественных местах – возле публичных библиотек, кинозалов, дискотек и даже возле

школ...» – услышал из динамика Мах, но в сей раз ахнуть не смог. Из его глотки выползло свистящее шипение. Задыхавшись от охватившего волнения, он обеими руками схватился за горло.

– Сигарету? – галантно озаботился его состоянием, лукаво улыбающийся, сидящий напротив Reggae Че.

Мах жадно выхватил из рук Эрудита фильтрованный «Dancehell» и, всем объемом опустевших от стресса легких, вдохнул аромат качественного табачного дыма.

– Закурил, гений? – пожурила революционера Дама, качая головой и глядя на виновато поднявшего плечи сына банкира с сочувствием.

– Как вы можете оставаться в этом безумном спокойствии, когда о нас с вами говорят такие вещи?! – озлобился на новых знакомых Макс, делая одну жадную затяжку за другой, словно вытягивая из ядовитой табачной смолы жизненно необходимый витамин.

– Как?! Разве? А я-то, вот, напротив, слышу лихие истории о некоем Максе Юлине – наркоторговце, вооружённом преступнике, оказавшем сопротивление жандармерии, угнавшем автомобиль посла Нигерии... – широко распахнув глаза и мизинцем приподняв розовые стекла очков, парировала его отчаянное нападение Велга.

– А с первого взгляда ты произвёл на меня более благостное впечатление! – с драматичной печалью в голосе подначил Мах'а Эрудит Че.

– Даже возле школ... – с притворной мрачностью в интонации, попытался подлить масла в огонь шнифтовой.

Но Максу было довольно и того. Даже плохая игра в саркастичность, со стороны новых знакомых, задела его на достаточно глубоком уровне, не давая критично отследить истинную причину волнения.

– Это не я! Я не продавал наркотики! Меня подставили! – разразился диким криком, освобождаясь от напряжения, юноша и, как полагается в случаях проявления истинного раскаяния, зарыдал.

– Неужели сфабрикованные факты?! – с циничной жесткостью продолжила фарс Велга.

– Да, да! Я был возле школы, и передал приятелю боксшмали... Но я не продаю наркотики!... Просто, Бовка попросил меня достать где-нибудь травки, а я принёс ему часть своей, и даже деньги брать не хотел... хотел подогреть, помочь хотел ему! – истерично тараторя, оправдывался Мах, совершенно не обращая внимания на то, что его никто не осуждает, что лишь подначивают и раззадоривают на эмоциональный выброс.

– Помог приятелю Бовке, судя по прозвищу – человеку весьма молодому, вероятно даже – несовершеннолетнему... хотел сделать подарок в виде коробка марихуаны, но деньги всё же взял... Н-да... Это, как минимум – две статьи, каждая из которых с разгоном от пяти лет заключения... Дарение наркотического средства суд может рассмотреть, как наме-

ренное вовлечение в сеть потребителей; плюс малолетство жертвы; ну а деньги – это не главное, ведь сбыт без цели продажи – тоже весьма тяжкое преступление, и карается сурово... – продолжил забивать гвозди в гроб Максового эмоционального состояния грубиян шнифтовой.

– Прекрати, Джонни! Мальчик уже осознал, что влип по самые уши. Теперь настало время переключить его внимание на более значимые вещи... – пресекла изуверства шнифтового Дама, бесстрастно созерцая корчащегося в рыданиях Макса.

– Более значимые вещи?!... Что же может быть важнее моей поломанной судьбы?! – не унимался юноша, растирая по лицу слёзы.

– Важнее твоей поломанной судьбы?... Полагаю, что более важными, окажутся поломанные судьбы многих невинных жертв, оказавшихся в лапах властных манипуляторов по твоему примеру! – возразила ему Дама, и грациозно распахнула перед его лицом принесённую шнифтовым газету.

– Просвещайтесь, молодой человек! – пригласил его к вниманию Эрудит Че.

– Идеюную часть пусть сперва воспримет! – вмешался в просветительство Дон Джон, тыча пальцем в титульный лист издания.

– Всему своё время, Джоник... на данный момент он должен проникнуться эмоционально, а после – можешь объяснить ему суть идеи сам, так, как предпочтёшь нужным – сло-

вом или делом... – вновь остановила шнифтового Дама, и даже погладила Макса по плечу.

– Жестокие насмешники! Вам легко паясничать над человеком в безвыходной ситуации! Чужие горести не тянут... – продолжал причитать, жалея себя Мах, но тут же был остановлен Дамой в Розовых Очках, мягко обратившей его внимание на то, что и сама она, в данной ситуации, переживает, вместе с ним, одну и ту же проблему.

– Верно, юноша, Вам не следует акцентировать эту проблему на себе, поскольку и сама Велга – наш Нагваль, так же сполна участвовала в происходящих событиях! – поддержал Даму в Розовых Очках Эрудит Че.

– Сполна участвовала?!... Да она сама втянула меня во всё это дерьмо! Я лишь хотел помочь ей спастись от Госнаркодоноса, увидав у неё под брюками шприц! – праведно негодуя, возмутился Мах.

Услыхав о брюках, Эрудит и шнифтовой переглянулись, и принялись, уже было, за ухмылки, но Эрудит Че решил продолжить настаивать на своём, и отвлёкся от скаредности.

7. «гипнотический фарс»

– Если Велга – наш Нагваль и проводник, решила пригласить Вас следовать за собой в её похождениях, то се – есть великая честь для вас, молодой человек! – высокопарно заявил он, торжественно глядя Максу в глаза.

– Накваль, накваль... Да кто такой, этот ваш накваль?! Почему я должен испытывать гордость за снисхождение какого-то там накваля?! – по-иному уже, возмутился Мах, и принялся разглядывать компанию новых знакомых, как подозреваемых в сумасшествии пациентов психиатрической лечебницы.

– Нагваль! Вы слышали?! Он не знает, кто такой Нагваль! – среагировал неожиданным криком шнифтовой, сопровождая сей резкий эмоциональный всплеск интенсивными взмахами рук и конвульсивным трясением головы, ритмично задвигав, обвисшими ниже плеч, буйными, грязными, разноцветными патлами.

– Спокойно, Джоник... Мальчик, всего лишь, совершенно неразвит – не начитан, не эрудирован в отношении культурологических ценностей... Он, всего лишь, компьютерный гений – всезнайка, нахватавший по верхам байты информации... – ласково удержала шнифтового от, всё сильнее охватывающего его буйства Велга.

– Да, юноша... В информационные блоки следует именно углубляться! Углубляться, но не спешить... не спешить, дабы осознать суть, то есть – наиболее ценную, являющуюся ядром и первоосновой, рассматриваемого вами вопроса, информацию! – монотонно и, разумеется, поучительно рассказал свою мысль революционер Че.

– Я же говорил тебе, Мах, – он – гений! Не просто эрудит, а великий компилятор идей и фактов! – неожиданно развеселившись, радушно, без малейшего следа прежнего гнева, обратился к Максу шнифтовой.

– лягушка и укроп все ещё в реакции! – двусмысленно пошутила Дама, кивая на Эрудита.

В этот момент затрезвонил, положенный неформалами на стол спутниковый телефон.

Мах видел подобные телефоны в интернет-магазине экстремальных коммуникационных средств, и посему скривил надменную мину, умудрённого в вопросах электронной связи эксперта, руководствуясь внутренним позывом, компенсировать обиду за справедливо заслуженное оскорбление и насмешки.

Мгновенно отвлекшись от общего веселья, Эрудит Че внутренне собрался и энергично схватился за трубку. Проговорив несколько стандартных фраз, он запнулся, будто ожидая какого-то затянутого ответа, внимательно выслушал трубку и, выговорив принятое в Латинской Америке благодарение: “muchas gracias”, засиял, как получивший подарок

ребёнок. После чего, так же по-испански, стандартно попрощался с оппонентом, и отключил систему.

– США, Огайо... Сигнал получен из экспериментальной психиатрической лечебницы, расположенной в пустыне... – комментировал свой телефонный разговор Эрудит Че.

– Не проще ли связаться через inet, чем через спутник? Эта штукавина хавает бабла, что пылесос, а толку от неё никакого, разве лишь в фильмах про шпионов и террористов, как реквизит использовать, для понта! – раскритиковал спутниковый передатчик Макс, и почувствовал себя уверенней.

– В фильмах про шпионов?! Как понт? Замечательно! Вижу, наш юный друг по-прежнему непоколебим, и пребывает в теплой и уютной реальности самогипноза! – хлопая в ладоши, весело отреагировал на слова Мах'а Эрудит Че.

– Ха! Да я-то вот, как раз, в порядке, и пребываю не в гипнозе и не в каком-нибудь там трансе, а в нормальном состоянии и в здравом уме! – дерзко дал отпор очередному нападению на свою персону Макс.

– Здравомыслию – виват! Кстати, о трансе... Нужно ведь торопиться, куда налажена связь! – сумбурно прервал склоки шнифтовой и, озаботившись новой суетой, принялся устанавливать принесённый с собою громадный кристалл в самый центр стола. Под кристаллом, вероятно, находилась специальная подставка с подсветкой, ибо грани его вдруг взорвались, от неожиданно засиявшего внутреннего света,

нарисовав в плотном, тёмном воздухе, сгустившемся над столом от дымящихся повсюду сигарет и благовонных палочек, некое подобие короны.

– Класс! – искренне восхитился Мах, с давних пор не внимавший естественной красоте мира, встречаемой нами чаще в событиях природы, чем в искусственных произведениях.

– А это, вашему вниманию – наш главный передатчик, намного более сильный, нежели спутниковый или кабельный проводник! – торжественно комментировал возгорание света в кристалле революционер Че.

– Мистика? Старые добрые штучки Копперфилда? – с задорной небрежностью отреагировал Мах.

– Если вы имеете в виду того самого Копперфилда, что был повешен в 1555 году представителями Римской Инквизиции близ Шервудского леса, за деяния, уличающие в занятиях алхимией и колдовством, то да – это настоящая мистика! – задорно, как экспромт, кратко изрёк некую импровизированную лекцию по истории оккультизма сын банкира Че.

– Почему — повешен?... Ведь в те времена жгли?! – обрадовано удивился подробностям этой истории шнифтовой.

– А они его, с помощью местной знати, окружили войском в лесу, где, по их сведениям, он часто разбойничал со своими приятелями... окружили, да не рассчитали сил на схватку, ведь разбойники, увидав, что пропали, стали биться до последнего, пока все не полегли сами, поубивав почти всё собранное знатью войско! В живых осталась лишь горстка

сильно раненных анархистов, среди которых оказался и сам Копперфилд, да со стороны противника – несколько солдат феодалов, какой-то там барон, да священник из Рима, сам уж пожалевший, что ввязался в затею поимки Копперфилда за грехи перед Церковью, поскольку вся братия его – дюжина попов из Рима, полегла, изрубленной руками разбойников в яростной битве. Поэтому решено было наспех казнить оставшихся в живых разбойников, и всех их просто зарубили мечами, под присказки барона об осуществлении законной казни от лица представителя Короля, за разбой и за вносимую в богобоязненный и честно пашущий народ, еретическую смуту. Ну а священник Римский настаивать полез о необходимости сожжения Копперфилда во имя Святой Церкви, от лица Инквизиции, да и здесь не рассчитал пыл своих требований к сюзерену – местному барону, который, разумеется, был очень зол на склонивших его к этой бойне, в которой он положил всё свое войско, а посему – тайно задушил священника среди ночи, утром сказав всем, что тот умер от ран, кои действительно на нём были, ввиду участия в битве. А раз умер последний представитель Церкви, решено было Копперфилда скорее повесить, покуда тот не издох от ранений сам по себе... – пояснил Че.

– А что ж, барон не сжёг Копперфилда сам? – снова удивился шнифтовой.

– Не имел права!... Это же только представителям Святой Церкви такое право позволялось, а барон должен был отчи-

таться перед Королём о соблюдении минимально необходимых формальностей Закона... Другое дело было б, если б, например, во время городской осады, барон, будучи нападающей стороной, намеренно сжёл бы дом или башню какую с живыми людьми, – тогда он был бы прав! А сия битва проводилась на лесной поляне, возле реки, и жечь кого-либо там было весьма сложно, и так, и по Закону, да и устал барон, к тому же, чтоб возиться с огнём... – дополнил Че.

– Уже поплыл... – спокойно и тихо сказала в паузе тишины Дама, кивая на Макса, заморожено и торжественно глядящего на пронизанный световой короной дым. В своей отрешённости он был похож на большого ребенка, заморозившегося от прослушивания сказки.

– Максим, ты слышишь эту сказку? – с таинственным придыханием обратилась к Максу Велга.

– Что? Я слышу эту сказку? Что я слышу?... – вдруг ожил Мах и, словно проснувшись, закрутил глазами, разглядывая всё вокруг ошарашенным и трезвым взглядом.

– Чёрт! Не берёт! – отчаянно щелкнув пальцами, ругнулась Велга.

– Джина доставать придётся! – с заговорщицкой решительностью, предложил Дон Джон, и развёл перед Дамой руки в стороны, в жесте бессилия. На эти слова шнифтового Велга фыркнула с откровенным недовольством, но, сморщив носик, согласно кивнула.

– Что ж, продолжим знакомство с раритетом! – радушно

обратился к Максусу Эрудит Че, внимательным взглядом согласовывая свои дальнейшие действия с Велгой.

– Автомат собирать-разбирать умеешь? – задорно подначил юношу, со своей стороны, оборванец-шрифтовой.

– Автомат?... – отрёшенно переспросил Мах.

– Ну, Шапаш, под 7,42! – подталкивал к задору шрифтовой.

– Разумеется, он не умеет! – категорично вступилась за Макса Дама.

– У меня есть, могу научить! – назойливо продолжил приставание Дон Джон.

– Да, пускай хоть в руках подержит, сравнит ощущение с компьютерным джойстиком! – согласилась Велга.

– Рекомендую воспользоваться редким шансом, юноша! – подключился к игре Эрудит.

Опасливо осмотревшись по сторонам, шрифтовой засунул руки глубоко под стол и, покопавшись там немного, извлёк на свет настоящий автомат Шапошникова старого образца, с обрезанным дулом и прикладом, отороченным в месте среза какими-то разноцветными бичёвками и кусочками кожи, приделанными в стиле афроамериканских последователей культа Вуду.

– Вот, изучай! Может, пригодится когда-нибудь! – заботливым тоном продолжил опекать юношу Дон Джон, кладя средь стола, прямо перед Максусовым носом, своё сокровище.

– Патроны поучись заряжать! – проникся опекуном

Эрудит Че, пододвигая к Максу коробку со свинцом.

Как не противился Мах происходящим с ним событиям, но перед настоящим автоматом Шапошникова устоять не смог, ринувшись с зачарованной самоотверженностью изучать вожделенный инструмент.

Вдоволь повертев автомат в руках, и даже научившись подсоединять рожок, предварительно наполняя его патронами, Мах переключил жадное внимание на последний, не раскритиченный предмет из всего арсенала интересностей, принесённых с собою шнифтовым – на кожаный шевелящийся мешок, лежащий возле кристалла, рядом с варганом.

– Всё это – ради вашего развития, юноша! – заботливо пригласил к дальнейшему осмотру предметов Эрудит.

– Это, думаю – варган... А вот, что в мешке-то?... – расслабившись и осмелев от общения с оружием, заинтересовался Мах.

– Верно! Это – варган! Я сейчас на нём сыграю! А в мешке – наш друг – Джин! – по-простецки отреагировал на вопрос шнифтовой.

– Джин? Что, можно посмотреть? – с детской любознательностью потянулся к середине стола Макс.

– Смотри, но только внимательно! – разрешил Дон Джон. Макс схватился за мешок, и все сидящие за столом одновременно переглянулись, взглядами целясь в беспечного юношу.

Потрогав мешочек снаружи, Мах неудовлетворённо

хмыкнул и потянул его на себя. От резкого и грубого шевеления, шнурок, стягивавший мешочек петлёй, развязался, и грубая кожа хранилища разинула перед Максовым лицом широкую чёрную дыру. В тот же миг, варган Дона Джона, будучи зажатым меж грязных зубов шнифтового, издал душераздирающий, нервирующий на глубоком телесном уровне звук, от которого Мах чуть не подпрыгнул, испугавшись неожиданности, но расслабился, осознав причину его происхождения; но тут же дернулся снова с ещё большей силой, опрокинув позади себя стол и уронив, тут же разбившиеся вдребезги бокалы с пивом. Из мешка на него набросилась жирная чёрная змея.

Вся компания мигом всполошилась и импульсивно ринулась на помощь юноше. С натуральной озабоченностью каждый из неформалов пытался оторвать, принявшегося уже душить Макса змея от конвульсивно дрыгающегося его тела.

Когда змей, наконец, был пойман и довольно бесцеремонно засунут обратно в мешок шнифтовым, все снова расселись по своим местам и, судорожно глотая воздух, молча разлили по бокалам пиво, и тут же жадно напились.

– Наш юный друг снова преувеличивает свои реакции! – пропела свой комментарий произошедшему Дама в Розовых Очках, цинично рассматривая Мах'а, шумно отряхивающего одежду, после валяния на полу.

– Она, кажется, меня укусила! – издал новый душераздирающий вопль Мах, прикоснувшись рукой к горлу, и обна-

ружив на пальцах отпечатавшуюся кровь.

– Я же предупреждал – внимательней! – делая нарочито недовольный и, вместе с тем, обеспокоенный вид, напомнил шнифтовой, тоже вытирая испачканные в крови руки о ска-терть.

– Вы уверены, что укус имел место быть? – деловито внёс сомнение Эрудит Че. На сей его вопрос, шнифтовой глянул на сына банкира взглядом хищного зверя – молниеносно, яростно и осаживающе.

– Несомненно, укусил! – вмешалась в вопрос Дама, при-близившись к Максу для лучшего рассмотрения кровоточа-щей раны.

– Болит-то как! Точно – укусила! – оглушённо паниковал Макс, щупая больное место.

– Нужен врач! – согласился с общим мнением Эрудит.

– Врач... Их по телику в розыск объявили, а ты про врача вспомнил! Сами, своими силами лечиться будем! – огрыз-нулся на несообразительного приятеля Дон Джон.

– Нужна ведь сыворотка специальная... – продолжил за-нудствовать Эрудит.

– Есть, есть у меня эта сыворотка! – отмахнулся от поуче-ний шнифтовой.

– Сыворотка, у тебя? – почему-то удивился Че.

– Змея у меня есть, значит и сыворотка должна быть!... – заявил категоричный аргумент Дон Джон, и принялся при-зывно подмигивать Велге, словно напоминая ей о чём-то,

прежде согласованном.

Вняв мимике шнифтового, Дама наклонилась, будто ища что-то под столом, возле тувель, после чего поправила на себе брюки и протянула ему, открытую с тыльной стороны для взгляда Мах'а, ладонь.

– Жму руку, Джонни! Дерзай – лечи нашего горемыку! – торжественно, с вычурной пафосностью, благословила Дона Джона Дама. В руках шнифтового мгновенно появился маленький инсулиновый шприц, который он принялся крутить меж пальцев, словно не расставался с ним весь вечер.

– Что, это и есть сыворотка? – удивился Эрудит Че.

– Разумеется, гений, разумеется! – не терпящим каких-либо комментариев тоном, осадила его Велга и, переключив взгляд на шнифтового, драматично пропела: «Начинай, Джонни – исцеляй его!»

– Да, да... от укуса Джина у меня всегда с собой раствор с сывороткой! – забормотал Дон Джон, притягивая послушного пред лицом медицины Макса на укол.

– Так ведь, Джин-то – питон! – догадливо воскликнул Эрудит Че, на что тут же получил оскорбительный ответ от Велги, не замедлившей объявить Эрудита тупицей, а затем последовал и подзатыльник от шнифтового, красноречиво закрутившего пальцем у виска.

Но всё это виделось Максy всё более и более смутно...

Получив в вену иглу из инсулинового шприца и прождав несколько секунд, Мах облился изнутри тёплым потоком

безразличия и истомной неги. Образы сделались расплывчатыми; голоса доносились всё с большего и большего отдаления; а вскоре и вовсе – всё померкло пред глазами юноши.

8. «пространство Нагваля»

Свет померк, но через какое-то время – несколько секунд – либо саму Вечность, проявился вновь, но пред очами Мах'а предстала совсем иная панорама окружающего мира: сумрак подвального танцпола “Дилленджерз” клуба, сменился ночным сумраком открытого пространства, простирающегося в своей необъятной открытости до самого предела бесконечности.

Макс воспринимал сию панораму, заполненную абсолютной пустотой, как парящий в невесомости космонавт, но посмотрев вниз, увидел, что ногами крепко стоит на круглом, ровном пяточке, на вершине, уходящего в головокружительную бездну каменного столба.

И не успел ещё ужас осознания, созерцаемого в сей миг, добраться до нервных окончаний Макса сполна, как позади юноши, оглушающим набатом, расколол пространство на миллион осколков тишины, сложенный в песню, глас Велги: «Открылось небо в своём беспечье, и сама Бесконечность зовет тебя вдаль, необъятная Бесконечность; но в сердце твоём поселилась печаль, с именем – человечность... Печалей печаль – какая то малость... но ваша печаль – только к телу жалость! Открылось небо в своем беспечье, такое видно прекрасно снизу, и чувства бросив человечьи, я в небо получаю визу!»

На одном лишь испуге, чудом не потеряв равновесие, Мах развернулся на 180 градусов и предстал перед Велгой, видимой очень отчётливо, но одновременно находящейся в некоем тумане, от чего одежда на ней выглядела серебристым шлейфом, окутывающем тело от шеи до пят, словно мушью. Вместе с тем, лицо её выделялось контрастом и смотрелось более отчётливым, как будто сделавшись объемней. Глаза Дамы, и вовсе, сияли собственным светом, высвечивая, словно две автомобильные фары среди пустынной ночной дороги, контур крыльев бабочки, крыльев, наполненных равномерным розовым сиянием. Ступнями своими Велга держалась на таком же, что и Макс, узком, каменном пятчке, вершине, уходящего в необозримую даль бездны, узкого каменного столба.

Увидев вокруг себя такое необычное, оглушающе безграничное пространство, Макс испугался каким-то странным, непривычным для него испугом. Он испугался, лишь от осознания того, что испытываемое им в сей миг совершенно реально; но, более он испугался от того, что не знал, как быть в подобной ситуации. Ни с чем, испытываемым им прежде, то, что переживал сейчас, он сравнить не мог – разве лишь со снами; но сей миг, даже если и был сном, воспринимался совершенным, наполненным всеми возможными ощущениями, как несомненная реальность.

Испуг породил в сознании юноши желание задать какой-нибудь вопрос, от чего, открыв рот, он исторг из свое-

го нутра, звучащий мантрой, речитатив на каком-то, неизвестном ему самому языке. Тем не менее, суть своего вопроса к Велге он осознавал отчётливо, но не мог лишь собрать его в удобоваримую симфонию, способную звучать на родном, более привычном, чем санскрит, языке. И всё же, высказавшись не совсем понятно для самого себя, он почему-то был уверен в том, что Велга восприняла его фразу-мантру с должным пониманием. Так думал Макс, и услышал на свой странный вопрос ответ Дамы: «Лучше молчи здесь, милый! Это не то место, где следует болтать языком... Да и ум твой, пребывая в рамках привычек, не готов ещё к полноценному общению, общению, по законам сего места. Лучшее, на что ты сейчас способен – это общение на санскрите! Твой разум немножечко обескуражен в сей миг, и поэтому пропускает твои мысли и вопросы, без редакции на привычный для тебя язык. Твоё тело, минуя родовые привычки, разговаривает сейчас на санскрите – праязыке, хранящемся в самой твоей глубине, в памяти души...»

– Я прекрасно понимаю тебя, Нагваль! – эйфорически, на том же санскрите, поблагодарил за учение Мах. В сей миг он, несмотря на зыбкое пребывание над бездной, был более чем восхищён. Был восхищён, восхищён от проникшего в самую глубину его сознания понимания того, что он – не просто близок к смерти, а, фактически, уже находится в ней, и что терять ему уж боле нечего, что он свободен и кристально чист от грязи повседневности и страхов. Восхищение Макса

подкреплялось ошеломительным для него ощущением того, что всё говоримое Дамой, осознаётся им сполна, без прежних преград, испуганного неизвестностью, рефлексивно-цепко держащегося лишь за свои собственные догмы разума.

– Я понял, что ты, действительно, Нагваль! – дрожа всем телом от охватившего его религиозного переживания, заорал Мах, позволив своему языку и лёгким воспроизвести рождённую сознанием фразу на другом, так же, незнакомом ему доселе языке.

– Верно! То, что ты произнёс это понимание на языке древней цивилизации, однозначно уверяет в том, что и этот пласт знаний хранится в твоей душе... – согласилась с Максом Велга, вещая свою речь на предположительном азирийском, главное – понятном им обоим, диалекте.

Пребывая в опьяняющей эйфории, Мах решил для себя, что, несмотря на всю реалистичность происходящего с ним сейчас, никакая опасность не затронет его в этом странном мире пустоты. Но эта бесшабашная уверенность оказалась лишь его предположением, основанном на том, что из знакомых ему прежде источников опасности ничто, кроме жуткой бездны, не окружало его даже в перспективном отдалении.

Опасность явилась в виде хлёсткого, ударившего в спину ветра, закачавшего тело юноши с явным намерением нарушить его координацию и столкнуть вниз.

– Держи равновесие! – закричала ему навстречу Дама, то-

же получив воздушный удар прямо в лицо.

– Он очень сильный! Я еле держусь на ногах! – прокричал в ответ Мах, уже на своём, родном, оставленном где-то вне этого мира языке.

– Держи натиск ветра до появления кристалла, иначе он убьёт тебя, столкнув в пропасть... а главное, помни каждую секунду и не забывай ни на мгновение о том, что всё это очень серьезно! Это реальность, Макс, другая, но такая же опасная. Здесь тоже можно погибнуть, умереть – называй, как хочешь... поэтому, держись до последнего, и не сдавайся до появления кристалла! – перекрикивая всё усиливающиеся шквалы ветра, напутствовала Макса Дама.

– Какого ещё кристалла?! – панически хватаясь руками за пустоту, ища хоть какую-нибудь точку опоры и не находя, уже готовый прекратить бороться за свою жизнь, готовый уж броситься в пропасть, проорал в ответ Мах.

– Нашего кристалла! Кристалл-проводник... Он вот-вот появится перед нами! – бодрила его Дама, сама еле удерживаясь от воздушного шторма на крошечном пяточке столбовой скалы.

И действительно, уже в тот момент, когда Мах готов был решиться на окончание борьбы и подарить себя бездне, на горизонте бесконечной дали, засверкал треугольными гранями, вертящийся в воздухе кристалл, приближающийся к нашим героям с огромной скоростью из бесконечной пустоты. В этом странном мире, примеченный прежде Мак-

сом в “Дилленджерз” клубе кристалл, не изменив формы и свойства внутреннего свечения, отражающего в воздухе над его поверхностью сияющую корону, изменился в размерах и предстал громадиной, величиной с дом, самостоятельно парящим среди неба.

– Прыгай ему навстречу! – направила Макса Велга, делая руками движения, похожие на взмахи крыльями.

Порывы ветра стали столь сильны, что удерживаться дольше на крохотном пяточке камня уже не удавалось. Поэтому, расправив руки в стороны по примеру Велги, Мах просто поддался очередному хлёткому порыву и, отчаянно заработав плечами, словно расправляя крылья, бросился в полёт, навстречу ослепительному сиянию кристалла.

Свет поглотил юношу и, пронеся сквозь череду отражений призматических граней, выстроившихся на его пути в коридор, выплюнул в очередное небытие крошечной тьмы.

9. «новая перспектива»

Минуло некоторое время, отсчёт коего Макс не мог отследить, находясь в беспамятстве, время, вполне достаточное для того, чтобы позабыть очень многое, позабыть самого себя, и ту жизнь, коей промышлял до той поры, покуда не вкусил иглы из шприца Нагваля Велги, шприца, несущего в себе не наркотик, как предполагал Макс, а некую транспортную сыворотку, вероятный психотроп, расширитель сознания или чего-то подобное. И вмиг, когда всё это сработало, когда миновала первая стадия воздействия препарата, та стадия, при которой Макс попал в пустое параллельное пространство с каменными столбами, как вратами к переходу в иное, в этот миг, всё снова изменилось, и мир снова проявился в свете. На этот раз, в проникающем сквозь окна полуденном солнце, дающем ясно видеть окружающую обстановку реальности.

Макс огляделся кругом, и понял, что находится в каком-то незнакомом ему кабинете, полном медицинских приборов, кабинете, сияющем белизной стен и диковинной чистотой мебели; кабинете, скорее похожем на лабораторию, обилием компьютеров, всевозможных пультов и дисплеев. Возле Мах'а в сей миг находились несколько человек, а именно: стоящие по бокам от него люди в белых халатах, среди которых особенно колоритно держался пузатый, круг-

лолицый, коротко стриженный мужчина с сединой на висках и гладкой, розовой, холёной кожей; белый халат свой, мужчина этот небрежно отбросил на спину и плечи, обнажив, солидного покроя, дорогой тёмно-синий костюм, блистающие золотым цветом запонки на воротнике, да стягивающую яркий алый галстук, массивную драгоценную цепь. В том, как держался этот круглолицый и пузатый мужчина, было заметно, что именно он правит бал в этом заведении. Рядом с ним выстроились тучные, но весьма крепкие на вид немолодые женщины с грубыми, ожесточёнными от прожитых лет в борьбе и труде и, вместе с тем, вызывающе разукрашенными многослойным макияжем лицами. В крепко застёгнутых, облегающих их brutальные фигуры медицинских халатах, женщины те были скорее похожи на престарелых медсестёр или вовсе – на хозяйственную прислугу в научном учреждении или больнице.

Немного поодаль от их компании, Мах разглядел держащуюся особняком, стройную и высокую, так же как и прочие, не очень молодую, но, в отличие от прочих, привлекательно трогательную, выражением своих испуганных и жалостливых, добрых глаз женщину, женщину, контрастно оттеняющую своей внутренней красотой всех остальных.

Компания в белых халатах, минуя ту, покоящуюся в отдалении, красивую женщину, что-то бурно обсуждала меж собой, ссылаясь красноречивыми взглядами на Макса.

– Я даю добро на проведение процедуры лечения зву-

ком! – вальяжно распорядившись, говорил пузатый, демонстрируя чрез жесты, свои, обильно украшенные драгоценностями, запястья и пальцы толстых волосатых рук.

– Хо, хо! Это новая техника... Мы даже не знаем, как с ней обращаться! – лебезили пред пузатым крашенные толстушки.

– Я сам, в виде исключения, настрою аппарат на необходимую громкость и частоту... Ну, а вашей заботой будет контроль за временем проведения процедуры, ну и, разумеется, за состоянием пациента! – важно отвечал обветшалым кокеткам пузатый.

Тут из глубины комнаты раздался волнующе-приятный, низкий женский голос, обратившийся к пузатому начальнику лечебницы с вопросом: «Неужели Вы сами не будете принимать участие в обследовании пациента, Мистер Браун?»

– Я проведу исследования дистанционных наблюдений, чтобы позже сделать объективные выводы! – мгновенно отреагировал на каверзный вопрос пузатый, и резко забросил вглубь комнаты недовольный, ищущий жертву взгляд.

Красивая женщина, стоящая в отдалении от их группы, отважно приняла огонь недоброжелательного взора пузатого на себя, и тут же парировала его негодование своим, осуждающе строгим выражением лица и глаз.

– Мы сделаем всё, как на-а-адо! – меж тем, подобострастно увещевали пузатого своего начальника полные, крашенные женщины в белых халатах, каждая из которых, заботливо хлопоча, старалась создать некую суету – подобие процесса

деятельности вокруг своего хозяина.

– Что ж? Тогда скорее приступаем, чтобы мне не опоздать на заседание у Губернатора! – заторопился пузатый.

– От лица простого народа, передайте Губернатору, что мы его ценим и очень любим, и что Огайо в добрых руках! – угодливо защебетали толстушки в белых халатах, принявшись немедленно что-то делать с креслом, на котором восседал Мах.

– А от лица независимых международных наблюдателей за деятельностью лечебно-исправительных психиатрических учреждений, передайте Губернатору, что наша организация не отступится от выявления производимых в вашей вотчине нарушений, Мистер Браун! – добавила своё слово к общим просьбам красивая женщина, стоящая поодаль от вассалов пузатого.

– Непременно передам! – вычурно любезно отмахнулся от неё пузатый, и тут же, шёпотом обращаясь к угодливым толстушкам, дал распоряжение привязать пациента к креслу как можно крепче.

Только тогда до Макса начало доходить понимание того, где он находится, а главное – в какой роли выпала ему честь участвовать в сей сцене. Мах запаниковал, и попытался освободиться от навязчиво прилипшего к нему кресла с подлокотниками; но было уже поздно – тело его крепко вжилось в предмет медицинского оборудования. Макс дернулся вперёд, и грудь его стянуло кольцом мягкой, но крепкой,

брезентовой материи, насильно удержавшей тело на месте. Тогда он попробовал выпрямить ноги, но и они оказались в прочных мягких колодках. Следом Макс попытался шевельнуть руками и, ощутив, что и локти уже томятся в мягком плену, наконец-то опустил голову вниз, чтобы разглядеть свою закабаленную плоть. Велико же было удивление Макса, когда он увидел свои руки: крепко привязанные к подлокотникам, руки его оказались совершенно чужими – огромными мускулистыми маховиками шоколадного цвета.

– Я же негр! – в шоке воскликнул Мах на английском, и только сейчас вспомнил, что вся, слышимая им только что речь, велась участниками сцены именно на английском языке.

– Нигер?! Зачем же Вы так коверкаете под смысл этой ситуации, мистер Льюис? Никто здесь, никоим образом не намеревался задеть или, не дай бог, оскорбить Ваши национальные чувства! Вы же прекрасно осознаёте, что находитесь в исправительном учреждении, не как жертва расового или ещё какого-либо произвола, а как гражданин нашего Государства, грубо преступивший Закон, как человек, нарушивший моральные нормы общества – как убийца, как разбойник, как бандит и прелюбодей, мистер Льюис! – отчитал негра-Макса, за высказанную им реплику, пузатый начальник лечебницы.

На эти слова пузатого Максу совершенно нечего было и возразить и ответить, поскольку он не только не знал, как

оспаривать своё положение, но, тем более – даже не понимал, что вообще с ним происходит в данный момент.

– Скорее делайте укол Вассермана и приступайте к наблюдению! – поторопил своих подопечных пузатый, хлопая себя ладонью по запястью, опоясанному золотыми часами, украшенными драгоценными камнями.

Макс уж было заартачился, но, не имея никакой возможности как-либо сопротивляться, сдался, под напором хлынувшего в его афроамериканскую руку культуриста, через тонкую иглу, очередного за сегодняшний день медицинского препарата.

10. «звукотерапия»

Прошло несколько секунд, и Макса вновь посетила метаморфоза сознания, на сей раз выразившаяся в неимоверно обострившемся восприятии образов, запахов, а более всего – звуков. Такие незаметные в повседневности звуки, как тиканье часов, дыхание окружающих людей, и даже собственное сердцебиение, сделались для Макса не только ощутимыми, но даже болезненно громкими.

– Как вы слышите меня, мистер Льюис? – шёпотом обратился к Максиму начальник лечебницы, в момент сохраняемой окружающими паузы торжественной тишины, и Макса буквально пробрало насквозь жгучим болезненным ознобом, от шелеста каждого, произнесённого пузатым слова.

– Отпустите меня, пожалуйста! – тихонько и жалобно попросился Мах, чувствуя, что каждая секунда пребывания в этом сверх восприимчивом состоянии даётся ему с великими муками.

– Отпустить вас, мистер Льюис? Вы просите о неосуществимом! Вы хотите, чтобы мы, пренебрегши вынесенным в отношении Вас приговором суда штата, пошли на поводу у Вашей прихоти, выражаемой нежеланием испытать предписанную лечебно-исправительную процедуру и, тем самым, нарушили Закон?... Нет, мистер Льюис, а правильнее говоря – пациент номер 4223... нет! Помните, что с момента Ваше-

го задержания, Вы попали в руки Правосудия, Правосудия, которое осуществится неминуемо – от лица народа и Бога! – торжественно обвинил Макса пузатый, нарочито громким, публичным гласом, чем поверг обострённые в чувствительности нервы афроамериканского тела на неопишуемую пытку. Макса буквально разорвало изнутри от адской, протестующей насилию над организмом и психикой боли. Сам, против своей воли, он громко застонал, позволяя своему афроамериканскому организму компенсировать страдания через стоны.

– Ах, ну что ж?! Я вижу, наш подопечный 4223 уже в порядке, и готов принимать процедуру лечения в полном объеме! – обрадовался стоном Макса пузатый и, в окружении свиты персонала, вальяжно протянул руку к мигающему дисплеями, с отраженными на них многочисленными эквалайзерами, прибору.

С бескомпромиссной резкостью пузатый вдавил несколько кнопок на пульте, и из динамиков, расположенных за спиной у Макса, полилась задушевная мелодия, некоего классического произведения, исполняемого на традиционных концертных инструментах. Первой партией шла флейта, в сопровождении приглушённого перестука барабанов. И чёрное тело Макса, услышав это, выпрямилось, выпрямилось от потянувшего его голову вверх высокого, нудно-морализирующего, нагоняющего оглушающую тоску звука, звука, ползшего по позвоночнику эдакой ядовитой змеёй ноющей

боли, змеёй, добравшейся до верхушки головы и укусившей, выпустив смертельный яд в виде острой мигрени. Барабаны, вместе с тем, заработали снизу, заставляя бедра и низ живота содрогаться в исступлённых конвульсиях, словно от воздействия переменных ударов высокоамперного тока.

– Как Вы себя чувствуете, пациент?! – радостно заорал в самое ухо Макса пузатый, добавив в симфонию пыточных звуков музыкальной композиции вокальную партию своего приторного голоса.

– Он в порядке! Явно идет на поправку! – торжественным шёпотом расшевелила другое ухо Макса полная женщина в белом халате, склонившаяся над креслом, будто что-то поправляя и заглядывая юноше прямо в глаза. Взгляд этой женщины был столь многообещающе жесток, что Мах содрогнулся еще сильнее, испугавшись возможности дальнейшего общения с этой особой.

– Ну, что ж?! Вот и славно! В таком случае, оставляю номер 4223 на ваше попечение, миссис Хук! – окончательно развеселился начальник лечебницы и, похлопав чёрное тело Макса по плечу, шумно зашагал к выходу, уводя за собою шлейфом нескольких полных женщин в белых халатах.

И лишь возле самого выхода пузатый приостановился, чтобы вновь парировать, преследующую его своей назойливостью, стройную и высокую женщину, уже вступившую с ним в конфронтацию прежде, и державшуюся всё это время поодаль, парировал фразой о том, что делает своё дело

с должной ответственностью, как профессионал и как компетентное лицо, вопреки её сомнениям в том, что в эксперименте не нарушены нормы необходимого воздействия на психику и нервную систему пациента.

Так и не добившись желанного ею уважения к своей персоне и, тем более, к вопросам ею преподносимым от пузатого начальника лечебницы, наблюдательница от правозащитников скромно присела на стул, за стеклянной перегородкой, отделявшей процедурную часть кабинета от ложи посетитель.

Мах огляделся вокруг себя и понял, что остался в кабинете наедине с одной лишь толстушкой, отбившейся от их компании, и деловито вытиравшей за ушедшими следы с помощью большой хозяйственной губки, наклоняясь, при этом, всем корпусом, и демонстрируя Максу огромный, обтянутый белой материей зад.

– Послушайте, миссис! – обратился к уборщице Макс, низким прокуренным басом афроамериканца, отмечая меж тем, болезненное содрогание своего тела от боли, вызываемой собственным же голосом, не вписавшимся в симфонию, звучащей на заднем плане, негромкой, пыточной музыки. Однако голос его оказался недостаточно громким для того, чтобы привлечь чьё-либо внимание, поскольку уборщица в белом халате непоколебимо продолжала свои размеренные движения, водя губкой по полу из стороны в сторону.

– Я требую Вашего внимания, миссис! – снова восклик-

нул Мах, щёлкая большим и указательным пальцем афроамериканца в эмоциональном порыве. На этот раз ему пришлось увеличить громкость своего возгласа, принимая вызываемую в самом себе боль, как необходимую часть процедуры спасения.

Толстушка-уборщица как будто бы дёрнулась, явно уловив брошенную Максом реплику, но, тем не менее, упрямо продолжила свою борьбу со следами на полу, так и не повернув к Максиму своего лица.

– Ой-ой-ой, леди! Отвлекитесь от этой ерунды! Обратите на меня внимание! Я же умираю от этих звуков! – завопил пуще прежнего Мах, используя вместо своего родного, некий, изувеченный гарлемским выговором, ломаный английский язык, и тут же неистово взревел от боли.

– Что-что ты сказал, — отвлекитесь от ерунды?!... Это ты ко мне обращаешься?... Значит, по-твоему, я занимаюсь ерундой?!... Значит, мыть пол, работать – это, по-твоему – ерунда?! – наконец-то отвлеклась от своей заботы толстушка и, повернув громоздкий зад в сторону двери, обнажила перед Максом своё, уже испугавшее его несколькими минутами прежде лицо, то самое, грубое лицо с укоризненно глядящими на него жестокими глазами.

Прежний испуг мгновенно овладел разумом Макса, переключив сознание, от испытания пыткой звуком, на страх перед вероятными неприятностями, грозящими от общения с этой женщиной.

– Работать, значит, для него – ерунда! Его капризы, разумеется, важнее любой работы! Он, видите ли, стоит выше тех, кто работает! Ну конечно – он же у нас герой! Убил, украл, изнасиловал... ведь это, у таких как ты, в почёте! Это вы считаете геройством, знаю! Я всё знаю о таких, как ты... знаю, что ты ценишь, чего любишь, чего нет, знаю о чём думаешь... – громко причитая, негодуяще заворчала толстуха, выпрямляя колени от согбения.

– Нет, нет, миссис! Что Вы?! Как Вы могли подумать, будто я не уважаю Ваш труд? Я совершенно не это имел в виду!... Я, всего лишь, хотел попросить Вас выключить эту музыку, или, если это так необходимо, хотя бы сделать её тише... Я умираю от боли! Каждый звук рвёт мои внутренности на части! Голова вот-вот лопнет от воя этой проклятой флейты! – тут же принялся оправдываться Мах, видя, что дело начинает принимать конфликтный оборот.

– Проклятая флейта, ты говоришь?... Значит эти славные, нравоучительные звуки мелодии, написанной самим Шопеном, не будят в тебе чувство мягкого, гармоничного покоя, не вызывают желания делать добро? – хищно насупившись, угрожающе тихим и въедливым голосом, переспросила Макса толстуха.

– Доброоо?... Ну конечно, разумеется, я хочу делать добро, слушая эту мелодию! Она мне очень нравится! Ведь это — сам Шон Пен!... И мне делается всё спокойней на душе от прослушивания именно этой музыки!... Но вот лишь

звук флейты слишком режет мой слух! Вероятно, именно эта, конкретная флейта донимает моё тело... ведь у каждого человека есть нелюбимые звуки... – распалился в оправданиях Мах, чувствуя, что ситуация не становится мягче, и пытаясь хоть как-то подобраться к сердцу и состраданию уборщицы.

– То, что твой слух не приспособлен к благостному вниманию классической музыки, я уже заметила, но вот касаемо души, дорогой мой, ты, наверное, заикнулся зря... – коварно понижая голос до шипящего шёпота, продолжила своё психологическое наступление толстуха-уборщица.

– Нет, нет, миссис, что Вы! Вы, наверное, неправильно меня поняли!... Я же сказал о душе очень искренне! Я имею в виду добро, чистоту, совесть и всё то, что есть в нас самого лучшего, как качества, созвучные достойной музыке... Я очень уважаю классику! Может быть, я простоват, и развит недостаточно, но классику уважаю от всей души! – панически оборонялся Мах, видя, что толстуха намеренно заводит разговор в пучину драматизма и толкает к раздору.

– А что же это у тебя на шее за амулет такой, раз ты о душе заговорил, голубчик? – лукаво прищурившись, надвинулась на Макса уборщица.

Макс опустил подбородок на грудь, и попытался рассмотреть, действительно, подвешенный на массивной золотой цепи, квадратный значок, сделанный из чёрного металла, со вживлёнными в углубления, ярко-белыми камнями. Хоть

и глядя с головы на ноги, он все же умудрился рассмотреть, искусно выгравированную на чёрном металле, объёмную морду какого-то дикого животного. В сознании Макса тут же всплыла мысль о том, что животное это – символ производительных сил, жизненной энергии, коя необходима мужчине для выживания в опасном и хищном окружающем мире. Разум подсказал Мах’у даже само сакральное имя этого животного-тотема – “Матумба”. Откуда появилось это знание, Мах сказать себе не мог, но, при этом, чувствовал некую фанатичную уверенность, относительно имени и предназначения тотемного амулета, уверенность, ощущаемую как религиозное чувство.

– Это Матумба! – уверенно ответил толстухе Макс, впус-тив в свой гарлемский выговор афроамериканца, оттенок нигерийского “бенуэ”.

11. «пытка и освобождение»

– Маратумба! Вы слышали?! Такое ведь и вслух-то говорить грех! Ведь это имя того сатаны, которому ты поклоняешься?! Что за зверь? Или для тебя он – бог?! Отвечай! – окончательно разъярилась толстуха, схватив Макса за шею и начав трясти, сжимая горло юноши жёсткими, пахнущими хлоркой пальцами.

– Это всего лишь – религиозный символ нашего народа! Это защитник и покровитель мужчин, защитник, дающий силу телу... такой же, как ваш бог, но только для нас – нигерийцев – свой! – отбивался, рождающимися в сознании неизвестно откуда аргументами Мах, чувствуя, что вот-вот скончается от производимых толстухой и, вынужденно, своих собственных криков.

– Как ты смел сказать, подонок, – “такой же, как наш бог”?!... Ты сравнил господа нашего Всевысшего с вашим бесом Маратумбой?!... Да как ты посмел заикнуться о таком святотатстве, дьявольское ты отродье, сатанист проклятый?! – неистовствовала толстуха, всё крепче сжимая пальцы на афроамериканском горле Макса, заставляя его предпочесть вниманию новой боли – от удушения, нежели прежней – от музыки.

– Вы меня неправильно поняли, леди! Он – наш Матумба – просто другой... Он не один бог у нас... Ну, а ваш Всевыс-

ший – совсем другое дело – совсем другой бог! – орал удущаемый Мах, всё более ощущая себя настоящим негром.

– Святотатство какое! Слушайте, что он говорит! Да за такие слова, знаешь, что бывает?! Знаешь, какое наказание тебя ждет?! Ад! Вот... да! И все твои мученья, о которых ты мне сейчас жалуешься, покажутся тебе развлечением, когда ты попадёшь, низвергнутый милостью Всевысшего в ад! А бог – он – един, да будет тебе известно, сатанист проклятый! И раз сказано в писаниях – не сотвори себе кумира, то и нечего выдумывать всяких там Матумб и прочих демонов! – яростно билась за свою правду толстуха, оторвавшись от Максова чёрного горла, и перебросив хватку на сам, ненавистный ей амулет.

– Но, ведь, наша религиозная культура древнее вашей... ведь Матумбе мы поклонялись ещё до зарождения цивилизации в Междуречье! Он ведь – не бог зла, а всего лишь – помощник в производительной силе у мужчин... Он, всего лишь, напоминает о необходимости быть сильным телом и духом! – презрев на мгновение боль и страх, защищал Матумбу Мах, сам удивляясь своему упрямству.

– Не смей смешивать понятие души и твоего, раззадоренного грехом, желание усилить производительность мужского тела, подонок! – взвизжала вдруг как раненное животное уборщица, и Мах понял, что пропал.

– Полные животных страстей самцы! Трахаетесь везде, где попало, донимаете бедных “высшианских” девушек, раз-

вращаете молодёжь! Нормальные люди так не озабочены! Нормальным людям не нужен этот ваш проклятый секс! У меня, например, в окружении сатанистов нет! Я общаюсь с нормальными людьми, с людьми, движимыми не африканскими страстями, а разумом и желанием стабильности!... А вот откуда берутся такие подонки как ты?! Где вас, сукиных детей, животных эдаких, выращивают? Кто в вас раздражает эти, несвойственные нормальному, цивилизованному человеку страсти?... А вот кто – это ваше идолопоклонство всяким там Маратумбам! Вот откуда грех идёт! – уже орала, на манер вошедшего в раж проповедника уборщица, своим визжащим гласом низвергая на Макса истинный гнев своего божества, в виде, сделавшейся действительно адской боли.

– Простите меня! Прошу Вас, пощадите! Я готов отказаться от какого угодно бога, я готов согласиться со всем, что Вы говорите... только не кричите на меня, пожалуйста! – неистово взмолился о пощаде Мах, совершенно обезумев от страданий, и слизывая языком заструившуюся из носу кровь вместе с потоками обильных слёз.

– От этого откажись сначала, а к Всевысшему богу потом и сам придёшь! – жестоко шипя сквозь стиснутые зубы, поставила условие уборщица, подкрепляя се слова крепкой хваткой обеих своих ладоней в Максовом паху афроамериканца.

– А вам не кажется, что страсти следует придержать не ему, а вам самой, любезная? – неожиданно зазвучал, пря-

мо за спиной у Макса, волнующий, не причиняющий даже особой боли, низкий женский голос, голос, несущий в своей тёплой интонации бархатную мягкость и исцеляющую нотку доброты.

– Кто это? Кто здесь? – всполошилась вмиг уборщица, вскинув свои руки вверх, прочь от критикуемой ею афроамериканской производительной плоти.

– Здесь по-прежнему я – ваш международный наблюдатель, член комиссии ООН по правам человека – миссис Нидал!... Вы, похоже, разволновались, обсуждая религиозные темы и не обратили внимания на то, что кабинет покинули не все специалисты... – грозно нависла над раскрасневшейся толстухой высокая, стройная женщина в строгом деловом костюме цвета индиго.

Заметно тронутая внутренними колебаниями, толстуха уборщица, замкнувшись на несколько мгновений в раздумье для принятия какого-нибудь решения, вдруг встрепенулась и, пропустив через тело волну преобразования, изменила выражение лица, глаз и саму свою позу, с растерянной и укорённой, на вальяжно-наступательную.

– А плевала я на вашу ООН! Эта ваша хвалёная организация – что проститутка – любому готова услужить – и азийцу, и китайцу, и русскому, и даже, таким вот животным, как этот Маратумба! Сами-то Вы, кому там поклоняетесь, в вашем ООНе? Может быть, тоже, Матумбе, или, непосредственно, к самому Люцифайеру обращаетесь, чтобы он по-

могал вам отстаивать права его поклонников?! Тоже, небось, о своей сексуальной энергии печётесь? Тоже, видать, озабочены проблемами сексуальности... Да у всех, у вас одно на уме! Иначе, Вы не стали бы защищать это животному подобное существо, поклоняющееся демонам, от справедливого “Высшианского” суда, санкционированного самим Государством!... Вы же — международная организация! Что вам до государства, несущего свет и мир по всей земле? Что вам до политики миссионерства в отсталых и тёмных странах? Что вам до Соединенных Штатов Америки?! – взбеленилась вдруг толстуха, принявшись откровенно наступать на представившуюся международным наблюдателем особу.

– Внимание, миссис! Во-первых, представьтесь, чтобы я знала, с кем имею дело... во-вторых, обозначьте, каковы Ваши полномочия в этом заведении... и в третьих : ведите себя подобающе цивилизованному человеку! – пытаюсь удерживать нейтрально холодный тон, присущий в официальном обращении, отчитала толстуху женщина из ООН.

– Представиться? Что ж... Я, Анжелика Хук! работаю здесь сестрой-хозяйкой и уборщицей на полставки. Я горжусь своей работой! Да... Я горжусь тем, что выполняю грубую физическую работу, работу, которая приносит непосредственную пользу людям, а не такую хитрую работёнку, что выполняете вы и вам подобные, обманывая людей болтовней и манипулируя бумажками. Ведь вы считаете себя важной персоной, миссис, как вас там – Нидал, кажется?...

Я нагляделась на таких, как Вы за свою скромную, добродетельную, полную труда жизнь... Скажу больше: на мой взгляд, Вы ничем не отличаетесь от этого дьяволопоклонника... Да! Ведь, и Вы и он, сделали всё, лишь бы потакать своей гордыне, превознося свою персону, чтобы выбиться из общества, из массы... Только Вы, ради этого учились и делали карьеру, а он – убивал людей и грабил банки... Скажу Вам, что те, кто потакает греховным побуждениям так сильно, как этот зверёныш “матумбопоклонник” и как Вы сами, оправдывая и смягчая его наказание, такие не смеют называться “Высшианами”! А раз так, то я не считаю себя обязанной терпеть насаждающих власть тьмы в учреждении, отставляющем права честных граждан США, права добрых “Высшиан”!... Поэтому, уважаемая в Индикии, Китае, Азирии и Африке, но не сумевшая насадить зло в дорогой нам Америке, миссис Нидал, поэтому – убирайтесь отсюда ко всем чертям! – возопила на наблюдателя от ООН толстуха уборщица, и, не медля ни секунды, принялась выталкивать, шокированную и оттого беспомощную, международную представительницу защиты прав человеческих прочь из лаборатории.

Когда железная дверь кабинета захлопнулась, оставив за бортом лаборатории безнадежно барабанящую кулачками в пуленепробиваемое стекло миссис Нидал, толстуха уборщица расправила плечи и, по-хозяйски приосанившись, пред-

стала пред начавшим молиться всем богам Максом.

– А теперь займемся тобой, голубчик! – с театральной торжественностью объявила она, позволив Максу сполна полюбоваться на своё, загримированное многослойной косметикой, лицо садистки со стальными, безжалостными глазами фарисейки-праведницы.

– Прошу Вас, миссис, – не бейте меня! Я готов принять любые условия, готов делать всё, что Вы мне прикажете! Хотите – забирайте этот амулет! А хотите – я откажусь от секса! Да... Я готов пройти долгий курс лечения, не притрагиваясь даже к своей собственной плоти... А хотите – я приду к Всевысшему? Да!... Ей богу! Я готов даже принять “Высшианство”, готов стать церковным прихожанином, если это Вам угодит!... – запричитал Мах, предлагая один за другим варианты своего спасения.

– Как ты сказал, – не бейте? А тебя никто и не собирается бить... Здесь всё цивилизованно... Никто не собирается выходить за рамки Закона! Разве я могу допустить такое правонарушение? Нет! Бить тебя здесь не будут... а вот о том, чтобы сделать из тебя, из гнусного животного, нормального, приличного человека, с присущими нормальному члену цивилизованного общества, с нормальной “Высшианской” моралью потребностями, вот об этом здесь позаботятся сполна!... И начнем мы, дорогой мой 4223, прямо сейчас, с прослушивания торжественного оркестрового служения, состоявшегося в Иллинойском Костеле этим летом, в день Благо-

дарения – замечательного религиозного концерта, записанного мной на эту вот плёнку! – с этими словами, толстуха вытащила из кармана белого халата звуконосящий чип и, неотрывно глядя Максу в глаза, воткнула его в гнездо лабораторного компьютера.

Через несколько секунд из динамиков позади Макса донеслись торжественные звуки Церковного Оркестрового Служения, и в звуках этих выразались сполна, и взволновавшая Макса Флейта, и пилящая широкой пилой нервы и сухожилия Виолончель, и славный, глушащий сознание и спирающий диафрагму Тромбон, и даже его величество Орган, уносящий душу слушающего его пациента, привитого уколom Вассермана, на самое небо пределов выносливости адской боли; а главное, что проняло Макса окончательно – в своём грациозном звучании, вползающем прямо в вены стальной раскалённой проволокой, была госпожа Скрипка – королева сей симфонии звуков.

Стоны Макса исчерпались, и он перешёл на откровенный, срывающий все маски и очищающий ото лжи крик.

Но уборщица не спешила, поставив свою жертву на колени души и разума. Она надеялась видеть нечто большее. Очерствевшая, за время многолетней работы в психиатрической клинике, душа её была столь искушена часто слышимыми криками, стонами и прочими проявлениями аффектов, что от скуки толкала толстуху на продолжение эксперимента. Посему уборщица увеличила громкость динамиков,

и снова взгляделась Макс в самые его, начавшие уже стекленеть, кричащие собственным криком, потерявшие последнюю надежду глаза.

– Бог един, запомни! Он есть Всевысший наш! – яростно выговаривала она ему прямо в лицо, ледяными своими зрачками буквально втыкая в глаза безжалостный свет, посягающий уже и на душу Макса-афроамериканца.

Секунды остановились, сделав время Макса похожим на застывший бетон, раствором которому была боль, а гравием и арматурой — желание немедленно умереть и неверие в то, что эта пытка когда-нибудь кончится.

Прошли секунды, пережитые как Вечность, и тело афроамериканца блаженно отступилось от последней надежды на спасение, ввергнув его сознание в вожденную нирвану отключения от жизни.

Мах вышел из боли тихим призраком, и поплыл прочь от погибшего тела негра невидимой дымкой, дымкой, расплывающейся в окружающем воздухе и заполняющей собою всё видимое пространство.

В сей момент, находясь без тела, Макс мог видеть всё, всему внимать, всё понять, но не имел лишь тела. И хоть ему уж было всё равно и безразлично что-либо, всё ж осознал он и запомнил для себя многое, увиденное им с высоты потолка кабинета в миг воспарения. Макс увидел с той высоты, так никуда и не ушедшего, глядящего на дело это из окна, тайно

прижавшегося к какому-то там лабораторному шкафу, пузатого начальника лечебницы, наблюдавшего за всем происходящим всё то время. Дух Макса увидел ещё и бьющуюся в истерике, залитую слезами женщину, пытавшуюся отстоять права покинутого им только что чёрного тела, представительницу ООН, так и не сумевшую помешать свершившемуся действию. Таким образом, Макс видел всё вокруг, в сей миг, и в целом – как перспективную панораму, и в деталях, легко акцентируя предельное внимание на чём угодно. Но и это состояние продлилось недолго, сменившись очередным забвением.

12. «бегство из клуба»

Прибывая в форме призрака, Макс облетел всю лечебницу кругом, исследуя все её уголки, кабинеты, камеры и подвалы, и в путешествии своём увидел многих страдающих от пыток узников, узников, цинично переодетых в пациентов.

Исследование это оставило в душе юноши тяжелейшие раны – раны разочарования в людях, принимающих уродливые формы садистских извращений, как повседневную рутину, как само собой разумеющееся явление. Память его пестрела анти-фашистской пропагандой, построенной на хрониках времён Великой Мировой Войны, и, видя перед собой современную реальность ещё более изощрённо-скверного толка, он с разочарованием осознал, как мало изменился с той поры мир, а если и изменился, то лишь в коварном искусстве палачей вуалировать свою зловещую, преступную суть.

Но и это прошло. Мятёжный, свободолюбивый дух, по сути своей склонный к воспаряющему движению, ринулся в небеса, а с небес вновь низвергнулся в его юное, совсем ещё безгрешное тело.

Когда Мах вновь начал приходить в себя, с трудом раздирая слипшиеся веки, и впуская в темень своего нутра тусклый и едкий, флуоресцентный зелёно-красный свет, в голове его мелькали воспоминания о бешеном движении внутри коридора, некоего пространства, состоящего из треугольных

призменных граней, из яркого, ослепляющего сияния. Ну а та драматичная сцена, в которой он участвовал недавно, сжившись воедино с плотью, умом и чувствами, повергнутого в страшных мучениях афроамериканца, так и осталась в его воспоминаниях, как отчётливое, несмываемое переживание, как душевная рана.

Меж тем, едкий красно-зелёный свет всё шире раздвигал его припухшие веки, давая глазам возможность рассмотреть окружающую перспективу, состоящую, на сей раз, из, покинутого некоторое время назад, мрачного помещения танцевального клуба “Дилленджерз”.

Тот же танцевальный зал, с круглыми столиками возле импровизированной сцены, предстал пред ним в своём прежнем облики, но, в сей миг, что-то явно изменилось в окружающей обстановке.

Заполонённое недавно шумным людом, помещение клуба заметно опустело, опустело, как брошенное на растерзание стервятникам поле боя. Неестественная, буквально-таки драматичная опустошённость, проявлялась не только в отсутствии людей, но и в общем беспорядке: в неестественно раскиданных повсюду предметах, как будто брошенных в яростной панике, панике, оборвавшей в один миг устоявшиеся отношения меж вещью и её хозяином.

В глаза Максу бросились перевёрнутые столики, стулья, хаотично раскиданные среди пола носильные вещи, оставленные кем-то, скомканые денежные купюры, недопитые

бокалы, и дымящиеся ещё сигареты. Музыка, гремевшая совсем недавно с необузданной, довлеющей надо всем вокруг силой, музыка, буквально-таки уничтожавшая атомные соединения в воздухе, сделалась столь тихой, что ради восприятия мелодии, Максусу пришлось прислушиваться к её, еле дышащим ныне из динамиков, едва живым, погасшим фибрам. И на всём том фоне спонтанного разрушения, лишь стрекочущие сверкания лазерных лучей, да ползущий из подполья благовонный дым, напоминали о творившейся недавно праздничной вакханалии. В чувствах Макса мгновенно поселился испуг.

Вот воздух вздрогнул перед ним, и из мутной пустоты материализовалось тело Дамы в Розовых Очках. Мах ошарашенно отпрянул в сторону, но больше от неожиданности, нежели от удивления, – ведь сегодняшние похождения в этом и тех мирах, сделали его уравновешенней в своих реакциях на происходящее вокруг и с самим собой.

Потратив лишь мгновение на перевоплощение своего существа, из растворённой в небытие эфирной субстанции в материальную форму, Дама собралась и, бросив несколько резких взглядов вокруг себя, неприязненно нахмурилась.

– Это облава, Макс! – уверенно воскликнула Велга, и резким движением кистей, расправила на себе костюм, сделавшись вмиг бесстрастной до оледенения.

– Что делать? – подобострастно подстроился под её собранность Мах.

– Раз обстановкой мы не владеем, то – бежать! – бескомпромиссно рассудила Дама, и кивнула в сторону чёрной занавеси на стене.

– А если там засада? – по инерции засомневался Мах.

– Нет, там люк – чёрный ход! О нём мало кто знает... им пользуются лишь избранные члены клуба... — скомканно пояснила Дама и, пресекая дальнейшую болтовню, бодро собрала со стола все ценные для неё предметы: крохотную сумочку с женским туалетом, ключи от угнанного “Mercydance-Dance”, да сам, отмеченный незабываемыми событиями, кристалл-проводник, возлежащий среди стола уже в одиночестве, без изначальной свиты принесённых Доном Джоном предметов.

– А куда же подевались они? – обратил внимание на пустующие места товарищей по застолью Мах.

– Думаю, они уже спрятались! – с наигранной беспечностью захлопнула Максу рот Велга и, резко выпрямившись, опрокинула стол и бросилась в галоп.

Испугавшись не на шутку, Мах ринулся следом за своей Дамой в Розовых Очках, опрокидывая, уподобляясь ей, все хрупкие предметы на своем ходу, безжалостно топча брошенные кем-то в спешке кожаные куртки и хипповые пончо.

На полу, среди утопанной пыли, виднелись чёрные, отражающие лазерные блики, лужи крови. Отчаянно несясь мимо всего этого, наступая на чью-то кровь и брошенную одежду, опрокидывая стулья и перепрыгивая через столы, Макс

осознавал всё отчетливее, в какое дерьмо втянула его эта, милая на вид, не очень-то молодая женщина. Стремительно думая об этом, Мах проклинал Даму в Розовых Очках, перешедшую, словно чёрная зловещая кошка, его дорогу злым роком; а более того, Макс клял самого себя за малодушную податливость и губительное вожделение. В этот миг, он дал себе слово больше никогда не поворачивать голову в сторону sex-шопа, возле магазина “Аэробус”, и даже более того: посетить, наконец, церковь и помолиться там Богу, как то навещала ему его покойная прабабушка.

Но, в данный момент, Максим неотвратно следовал за Дамой в Розовых Очках, антилопой скачущей впереди, и готовой уже вот-вот прорваться сквозь чёрный спасительный занавес. Ведь, несмотря на своё искреннее желание сделать себя праведником, Макс понимал, что в данной ситуации, любые самостоятельные действия неминуемо приведут к катастрофе; да и мысли о церкви – оплоте праведности, тоже бредились лихими воспоминаниями о лечебнице в Огайо, вызывая в Максе рассеянную двуличность суждений и полную неуверенность в себе. Потому он, не чая иного выбора, стремглав рвался за своей фатальной провожатой, полагаясь на её опыт и прозорливость.

Сама же Дама, следовала своим путём бегства, не паникуя, не делая лишних движений, в грациозной ярости лишь отшвыривая встречаемые предметы, явно сжигая за собой мосты, словно была готова к подобному повороту.

В своих мыслях, Мах поносил Велгу самым грязным образом, бормоча, сквозь сбившееся от спешки дыхание, отменные проклятия в её адрес, всё более озлобляясь на её безупречную собранность и решительную отвагу.

Наконец наши герои прорвались сквозь чёрную драповую занавесь и, чуть не поломав себе ноги, прыгнули в узкий, скользкий туннель, понёсший их вниз – к самой земле и глубже. Пролетев туннель, они вывалились, на устланный спортивными матами, мягкий пол, освещаемого с улицы, через крохотное оконце лунными бликами, подвального помещения.

– Тсс... – прошипела Велга, приложив указательный палец к губам. В свете контрастно освещающего её силуэт лунного сияния, она имела весьма зловещий вид; черты её лица, при холодном, сумрачном освещении, выглядели подчёркнуто правильными, словно изваянными из белого мрамора; профиль Дамы был безукоризнен.

– Пока никаких действий... будем только наблюдать! – чуть слышно распорядилась ситуацией Велга.

Мах приподнялся на цыпочки и, зацепившись пальцами за высокий кирпичный подоконник, подтянулся, чтобы суметь выглянуть на улицу. Его взору открылась совершенно невероятная картина: под высокой и яркой Луной, посреди залитого её мертвым светом плаца, лежащего в центре городского скверика при Диллинджерз клубе, разворачивалось настоящее вооружённое побоище.

13. «подвал»

Возле оставленного нашими героями в центре сквера, угнанного “Mercydance-Dance” сгруппировались три машины надзирателей за соблюдением гражданского повиновения: два сине-белых американских “Форда”, да грязный жёлто-зелёный азирийский “Козёл”. Двери казённых автомобилей были распахнуты, а возле них, пользуясь железными дверьми как щитами, на корточках и в полуприсядь, с оружием наготове, затаились невзрачные солдаты в унылой асфальтово-серой, форме.

Производя из своего оружия короткие, редкие выстрелы, солдаты в сером вели подобие уличного боя. Треск их стволов был столь неестественно тих, что вызвал в Максе паническое чувство безысходности. Их страшная безликая группа пробудила в нём воспоминание о некоем, видимом в детстве, научно-фантастическом фильме, где пришельцы, превосходящие землян по уровню технического прогресса оккупанты, бесшумно и быстро овладели нашей планетой, ввергнув Землю в глухую утопию. Такие впечатления от увиденного, вполне могли бы вызвать в юноше и страх, и отвращение к происходящему, если бы, следом, Макс не разглядел нечто, впечатлившее его ещё сильнее.

Более впечатлительно выглядело нечто шокирующе противоположное, приведшее Макса в состояние апокалипти-

ческого восторга, а именно – вырывающиеся из окружающих плац густых зарослей дикой малины, ответные хлопки и вспышки, импровизированные фейерверки, производимые разносортным, разнокалиберным оружием. В свете этих вспышек, озаряющих на короткие мгновения листья малины и нижние ветви растущих за ними каштанов, проявлялись вдруг силуэты длинноволосых людей и, по-залихватски рогатых, хромированных байкерских чопперов.

– Живыми нас не возьмёте! Мы будем сражаться до конца, до полной победы над тиранией! Отстреливайтесь, трусливые свиньи! – восторженным хором мужских и женских голосов, доносились манифесты противостояния байкеров системе, из кустов дикой малины. Помимо того, под каштанами слышались, совершенно неуместные в сей миг, улюлюканья и смех.

В свою очередь, казённые солдаты на плацу стреляли в патлатых смутьянов тихо и чинно, лишь изредка откашливаясь в свои, хрипящие радиозапросами передатчики.

– Политические свинки не пройдут! Правьте днём, ночью – наше время! Глобалистам – отпор! – скандировали пьяные голоса возле мотоциклов, а в паузах между выстрелами было слышно, как кто-то из протестующих, с нарочито громким хлопком и последующим бравадным шипением, открывает бутылку шампанского.

– Второй – восьмому: доложите обстановку!... Третий, третий, что у вас?... – глухо хрипело из радиостанций надзи-

рателей за правопорядком, как укор за окружающее веселье.

Бой шёл весьма непринуждённо – без задора и горячности. Служаки деловито прицеливались, и изредка выстреливали в шевелящуюся тут и там листву малинника, но их старания сводила к нулю куполообразная чернота паркового сквера, окружённого гигантскими кронами старосковских деревьев. Патлатые балагуры, и тем паче, не смели достойно отстреливаться в ответ, либо, опасаясь последствий, либо вообще, не желая реально сражаться.

– Фу, какая пошлая клоунада! – раскритиковала происходящее, подтянувшаяся следом за Максом к окну Дама в Розовых Очках.

– Ух, ты, – круто! Но, наверняка, всему этому скоро настанет звездеч! – обрисовал своё видение уличного боя, трещащий с головы до пят Мах.

– Чего?!... Это круто?! Это разве круто? Нет... Это фигня! И почему ты решил, что итог этому делу – звездеч?... Всё наоборот, очень мирно и чинно: эти балагурят, а те проявляют политкорректность и стреляют взапуг... Что-то наподобие митинга протеста, переросшего в локальные беспорядки... До звездеча тут далеко, – пока войска не подтянутся! – поделилась своим видением обстановки Дама.

Мах озадаченно хмыкнул ей в ответ, а она продолжила речь, но уже с иной, нарастающей в своей силе, интонацией: «Вот сейчас выберусь, и покажу этим клоунам блиц-номер воздушной акробатики! Тогда уж точно – всему наста-

нет звезд!»

– А может не надо?... – жалобно проскулил на это Мах.

– Твоё мнение, малыш, сейчас не котируется! – категорично возразила Велга, и резво вскарабкалась на широкий подоконник.

– Не понимаю, зачем всё это нужно?... – отчаянно закапючил внизу Макс.

– Ты предлагаешь что-то лучшее? – парировала его малодушные нападки Дама, выбивая, меж тем, замок из оконной рамы и продолжая возражать: «И потом: неужели ты считаешь, будто твои трусливые суждения окажутся эффективнее моей практической свободы?» – добавила она.

– Разве это свобода? Мы же по уши в дерьме! Сначала сотрудники Госнаркодоноса, потом этот белый “Mercydance-Dance” и посол Нигерии, а сейчас – вот это... – настаивал на оправдании собственной слабости Мах.

– Не забудь вспомнить о лечебнице в Огайо!... – напомнила Велга, продолжая возиться с окном.

– Да, и эта проклятая лечебница! Кстати, неужели ты видел то же, что и я? – удивился Мах.

– Когда ты был в теле истязаемого палачами афроамериканца, я сжилась с наблюдательницей из ООН... – согласилась Дама.

– Но, ведь всё это было галлюцинацией? – решил уточнить для себя Макс.

– Событие имело место быть в настоящей реальности, и

всё пережитое этими людьми – реальность! – серьёзно возразила Дама.

– Но ведь негр умер! – выдвинул аргумент Мах.

– Да. Вероятнее всего, он умер... но ты сделал всё, как надо! Не буду скрывать, что в этом я горжусь тобой, малыш! – ободрила его Дама.

– Я сделал что-то, как надо?! Но ведь я ничего не делал там! Я страдал вместе с этим верзилой, и чуть было не скончался от пыток!... А сейчас я здесь, и снова здоров и невредим... – запутался в противоречиях Макс, пытаясь как-то понять произошедшее.

– Да, такой вот парадокс... Ты, всего лишь, был там, и, вроде бы, ничего не делал, но, в результате, исход этой ужасной трагедии оказался благополучным... – ещё больше запутала его Велга, по-прежнему крутясь на подоконнике, над головой у Макса.

– Благополучный исход?! Но ведь же негр умер! – возмутился такому парадоксу Макс.

– До души его, этим садистам добраться не удалось... Ты спас его душу! Вот, в чём ты молодец! – торжественно объявила итог своих рассуждений Дама, и даже улыбнулась Макс.

– Чёрт! Я ничего, решительно ничего не понимаю! Опять какая-то метафизика! Переселение душ, перевоплощения, кристалл-проводник, ядовитая змея, автомат Шапошникова... всё это – слишком для меня! Вы, с вашими друзьями,

вероятно, приняли меня, за кого-то другого... Я участвую во всём этом, лишь по мере необходимости, с вашей лёгкой подачи, но решительно ничего не понимаю, а главное – не хочу понимать! Я отказываюсь в этом участвовать, я отказываюсь это понимать, я не хочу ничего об этом знать, и даже думать об этом не хочу! – заскандировал Мах, давая волю накопившимся за вечер эмоциям.

– Змея, кстати, не ядовитая!... – остановила его Дама, отвлекшись производимыми им криками от возни с окошком.

– Как? – недоверчиво возразил Мах, потирая пальцами, слегка кровоточащую ещё рану на шее.

– Это питон... наш маленький питон – Джин! Он любит прыгать из мешка на шею тому, кто его развязывает... и он совсем не кусается! Это Дон Джон – наш шнифтовой незаметно поранил тебя перочинным ножиком, чтобы ты, испугавшись отравления змеиным ядом, дал себя уколоть специальной сывороткой, от которой твоё сознание открылось кристаллу и переместилось в очаг бедствия – в Огайо... – пояснила Дама.

– Чёрт! Проклятье! Я пропал! Мной манипулирует шайка наркоманов с экстрасенсорными способностями! – пуще прежнего завопил Макс, топая ногами по полу.

– Верно: мы обладаем экстрасенсорными способностями! Но с чего ты решил, будто мы – наркоманы? – согласилась с ним Велга, удивляясь таким заключениям.

– Эта странная сигарета, в которой, по словам твоих со-

общников, находилась лягушка с укропом, от которой я до сих пор воспринимаю мир как-то странно, потом этот пресловутый шприц на твоей ноге, из-за которого я ввязался в эту историю и, наконец, – сыворотка для путешествия в Огайо... Разве это не наркомания, если ум заходит за разум от всех этих дел?! – праведно вознегодовал Мах, подражая, в сей миг, интонации, с которой его часто отчитывала собственная мать за похождения по клубам и курение ши.

– Шприц на ноге – и есть та сыворотка для путешествий! А вот за то, что ребята заколотили в папиросу именно лягушку с укропом, я ручаться не могу: они страшные проказники, и знать наверняка, что у них там, в папиросе – наркотик какой или лягушка, нам не дано... – рассудительно попыталась остудить Макса Дама.

– Даже так?! Выходит дело, и там меня обманули? Но ведь я мог отравиться! Разве это шутки?! Хотя, впрочем, я сам во всём виноват: не нужно было курить с такими подозрительными оборванцами... да что там курить! Не нужно было помогать тебе с этим шприцем там – в “Аэробусе”... Да, я во всём виноват сам! Виноват с самого начала, когда, задумавшись о чём-то, нечаянно забрёл в этот проклятый sex-шоп... Ведь там всё началось? Ведь ты покупала себе... ах! Да как я, вообще, позволил себе смешаться со всем этим?! Ведь я никогда в жизни не позволял себе заглядывать в подобные заведения, а тем более – общаться с их посетителями... Мы с тобой слишком разные люди! Я не понимаю, зачем ты вытаци-

ла меня, из моей нормальной жизни, в свой порочный и преступный, сумасшедший мир?! – излился сполна в накопившихся обвинениях Мах, по-прежнему стоя внизу, и глядя на маячащий перед его поднятыми кверху глазами, зад Дамы в Розовых Очках, сидящей на корточках среди подвального, кирпичного подоконника, и упорно продолжающей свои попытки открытия подвального окошка.

– Ты сам зацепился за меня, придурок! И, вообще, объяснить тебе, глупому тупице, как и зачем ты связался со мной – ни к чему, да и бесполезно; всё равно – ты ничего сейчас не поймёшь! – нагрубила Максу Дама, запыхавшись с упрямым окном и явно разозлившись.

– Да не цеплялся я ни за кого! Почему ты так уверена, будто я ничего не пойму? Всего лишь объясни! Может, я смогу понять?... – снизил обороты Мах.

– Объясню, но позже... А сейчас, лучше помоги мне разобраться с этим зыбучим окном! Покажи, что ты по-прежнему мужчина, раз уже пытался спасти меня от ментов! Открой это стёбаное оконце, продемонстрируй свои яйца! – пошла на грубый компромисс Дама.

Не дожидаясь дополнительных оскорблений, Мах вскарабкался, следом за Дамой на широкий кирпичный подоконник, по подвальному проекту, расположенный на высоте двух метров от пола.

– Давай, давай – открывай! Покажи, что у тебя хотя бы руки на месте! – грубо подбадривала Велга, дыша в самое

Максово ухо жарким запахом табака и клубники.

Повозившись с замком, Мах наконец-то нашел выход из положения, дерзко засадив локтем в раму. Окошко звонко распахнулось, и в лица наших героев пахнул тёплый, пропитанный марихуаново-винным порохом, ночной воздух.

– Прыгаем! – приказала Велга.

14. «Дама идёт в бой»

– Но... – попытался возразить Макс, но был столкнут с подоконника, навстречу тёплому асфальту улицы Дамой в Розовых Очках.

Сама Дама, не медля ни секунды, бросилась следом. Сиганув с расположенного над фундаментом здания подоконника подвала, Велга ничуть не ушиблась, приземлившись бесшумно, словно кошка, на четыре конечности. Макс же саданул вниз неудачно, чуть не помяв себе шею, но, вовремя сгруппировавшись, сжался в комок и, несомый инерцией падения, вкатился в чёрные кусты малины.

Вломившись в колючие, трескучие заросли, Мах кубарем влетел на утопанную земляную площадку, но остановился весьма неудачно, бойко затаранив хромированный “Хардли” своей головой; вместе с тем, возле самого уха Макса стремительно пронеслись три государственные пули от жандармерии. Наградой своим злоключениям он услышал смех и улюлюканья от бродящих вокруг патлатых оборванцев-бородачей и их футурично размалёванных подруг в клёпанной коже и цепях, вместо одежды.

Но прошёл лишь миг, и настроение неформальной публики кардинально изменилось. Все вдруг преобразились и двинулись задорной толпой на Макса, скандируя приветствия и “виват”. За спиной у него, словно пантера, вытянулась из

темноты сама Дама в Розовых Очках.

– Велга вернулась! Нагваль жив! – со всех сторон, оглашая малинник восторгом, едино зазвучали возбуждённые и приветственные возгласы. Из-за веток и листьев стали появляться патлатые головы хиппующих людей – друзей и товарищей наших героев.

– А это ещё кто? – смеясь, спросили из темноты, указывая пальцами на Макса.

– Это мой протеже – дремлющий клубок способностей – Максик! Прошу любить и жаловать, а главное – относиться к его бессознательной и инфантильной социализированности со снисхождением... Не пугайтесь той чуши, которую он порой несёт, рассуждая, как тупой потребитель... Мозгов у него ещё маловато, отсутствует собственное мнение, но, в душе своей, он совсем не свинка! – смеясь вместе со всеми, представила, по-прежнему стоящего на четвереньках Макса Велга, беспечно отряхивая свой безупречный серебристый радужный костюмчик от кустарных колючек.

– Протеже с дремлющими способностями?... Виват! Приветствуем! – обрадовались её презентации хиппующие люди. Кто-то хлопнул очередной бутылкой шампанского. На землю, с едким шипением, полилась, источающая сухой кислый аромат, виноградная жидкость.

– Виват, Нагваль! Виват, Мах! Давайте же скорее, пока нас не застрелили надзиратели и палачи, выпьем за отвагу в нашей борьбе со свинками! – торжественно предложил кто-

то, зачитав следом выразительный стишь: «Друзья, мы молоды... давайте ж обниматься, пока Закона молоты не стукнут расставаться!»

Тёмный силуэт руки передал из чёрных сумерек влажную и холодную бутылку шампанского. Макс сделал вежливый глоток и продолжил массировать ушибленную о “Хардли” макушку. Велга, без излишней вежливости, вырвала бутылку из рук юноши и, опрокинув вверх дном, жадно всосалась в стеклянное горлышко. Гортань её произвела несколько жадных булькающих звуков, и вот, бутылка уже была пуста, и, рассекая свистящий воздух, летела в сторону государственных машин, где хлёстко расшиблась вдребезги на тысячу искрящихся осколков о лобовое стекло чиновничьего “Форда”.

– Улюлю! Браво, Велга! Нагвалю – виват! – громко закричали со всех сторон, из спрятанных за малиной сумерек. П слышался подбадривающий свист и хлопки рукоплесканий.

– Велга – наш Нагваль! Да здравствует Велга! – оживлённо веселились хиппи.

– А сейчас, люди, давайте-ка зададим динамики в этой застывшей сцене! – призывно пропела громким зловещим голосом Дама и, щёлкнув пальцами, выхватила у какого-то бородача автомат Шапошникова.

– Нагваль будет воевать с нами! Нагваль выходит на тропу войны! – радостно отреагировали на дерзость Велги хиппи, начав палить из своих стволов в воздух фейерверком. В тот

же миг усилился свист пуль, летящих со стороны представителей государства. Две из них злополучно достигли плоти хиппового люда, ужалив небрежного рокера, разливавшего всем вокруг шампанское, прямо в дающую руку, да впившись в ягодицу кожано-клёпанной металлистке, висящей утехой на руках огромного толстого байкера.

– Тише, люди! – приложив палец к губам, ласково, словно к детям, обратилась к байкерам Велга.

Все вокруг мигом замерли, задержав своё буйство ожиданием весёлых приказов от Нагваля.

– Чтобы не было больше такого, палить в воздух мы не будем, до момента стратегической необходимости! – начала распорядиться ситуацией Велга, кивая на орущую девицу с пульей в ягодице, и ноющего рядом с ней самозванца-официанта с дырой в кисти.

Все вокруг согласно склонили головы и предали лицам большую серьезность, нежели прежде. Свист летящих в их стороны пуль заметно поубавился.

Хипповый люд, стоящий кругом возле Дамы, напрягся, ловя каждое её слово. Заметив это изменение в настроении людей, Велга согласно кивнула и, без каких-либо вежливых любезностей к окружающим, напрямую, стала отдавать приказы, подчёркивая свои претензии на власть грациозной жестикულიей. Первым делом она распорядилась о том, чтобы некоторые, не брезгующие повалиться на земле люди, без особого ущерба для собственных жизней, раскинулись

бы ничком вдоль всего малинника, небольшими группами – по два-три человека, дабы, стреляя в воздух по очереди, отвлекать жандармов от передвижений свободных неформалов. Следующим распоряжением, Велга призвала к исполнению её замыслов самых метких стрелков из числа хиппующих байкеров, дав им ответственную задачу: меткими выстрелами, методично выводить всю технику жандармов, от автомобилей, до радиопередатчиков, из строя, стараясь, при этом, не сильно калечить самих представителей официальной власти. Третье своё распоряжение она предоставила на милость байкерам, предложив кому-нибудь пожертвовать в этом бою своим мотоциклом, заправив который горючим до краёв, можно было бы толкнуть самокатом, с закреплённой на быстрый ход гашеткой газа, прямо на стоящие кучей посреди плаца чиновничьи патрули.

– Далеко мне с ней не уехать, да и бросать тоже нельзя, поэтому – берите мой “Хардли”! – немедленно отреагировал на просьбу Нагваля бородатый громила байкер, в руках которого извивалась, исходя криками, несчастная металлистка, притянувшая своей страстью несколько граммов свинца в самый центр плоти.

– Кто Вы? – почтительно склонив перед громилой голову, предложила своё расположение Велга.

– Я – Ярила-байкер! – скромно заявил о себе великан. Росту он был действительно великого, и, возвышаясь над прочим волосатым людом, оттенял их тем, что был огромен как

гора, пузат, бородат и, как все прочие, овеян нимбом грязных, взъерошенных патл.

– Весьма польщена Вашей отменной реакцией на события боя! – пропела торжественный хвалебен Велга, обходя громилу кругом, словно дуб-великан и оглядывая с головы до ног, как редкостное чудо.

– На боевые действия у меня рефлексы наработаны! – польстился на величавое расположение Нагваля громоздкий бородач байкер Ярила.

– Воин! – кратко резюмировала его персону Дама, высказавшись наилучшим образом в подобной ситуации, самой красивой овацией для этого сильного человека.

– У меня длинный послужной список горячих дел в жарких событиях... – похвалился громила, перекидывая с руки на руку орущую девку, и деловито подтягивая ей зад широким кожаным ремнём, плотиной удерживающего поток крови с дыры в одной из круглых половин её формы тела.

– Воин-профессионал на стороне Свободного Люда – явление весьма неординарное, и посему – требующее какого-нибудь обоснования!... – весьма жестоко и неожиданно, но, вместе с тем, со значительным почтением в тоне выражения, призвала к исповеди громилу Велга.

– Да... Моё прошлое – редкость в кругу людей, ищущих свободу... но, чтобы сейчас не вдаваться в подробности воспоминаний, примите хотя-бы факт того, что я среди вас, и готов воевать самоотверженно, не щадя ни врагов, ни себя

самого! – высокопарно оправдался громила, ничуть не изменившись в лице.

– Вы оперируете кодексом чести и достоинства славных людей, а не современных прогнивших ублюдков... Думаю, что это лучшее исходное качество свободолюбивого человека, и это качество реабилитирует любые ошибки! – обрадовалась достойному ответу Велга и, свободной от удержания автомата рукой, вцепилась в свободное от раненой девушки плечо громилы, одарив видную фигуру богатыря женской почестью.

Окружающие их хиппи и байкеры посмотрели на возвысившуюся над толпой троицу, олицетворяющую проявление власти женской красоты над мужской доблестью, как на мифологическое явление Сверхсущества.

Как по волшебству, нашлись вдруг многие, бросившиеся выполнять распоряжение Велги, и через несколько минут стихийный лагерь хулиганящих хиппи приобрёл вид собранной команды борцов за единое дело. Каждый из неформалов старался принять посильное участие в сражении с врагами, сообразно руководству Нагваля и её распоряжениям. Пара отчаянных рокеров в гоночных жилетах и, столь редких в быту у байкеров шлемах мотоциклистов, за считанные мгновения наладили грузовой “Hardlee Devillsoon” Ярилы для путешествия без возврата. Трое крепких джинсовых бородачей шумно подволокли из темноты громадный, заполненный до краёв бензином, хозяйственный бак.

Соорудив на осевшем от тяжести “Хардлее” подобие погребального монумента, неформалы запустили его катиться по плацу, к стоящим впереди, беззащитным пред таким чудом государственным автомобилям.

Удаляясь медленным от тяжести ходом, и легонько раскачиваясь от колышущегося в громадном баке бензина, мотоцикл Ярилы, по общему мнению хиппующего люда, был схож, в сей миг, с легендарной погребальной ладьёй древних викингов, исчезающей в открытом море, ради должного погубить её навсегда пожара.

Раздавшийся, в момент осуществления замысла Нагваля, взрыв могуче потряс ночную Скву, расшевелив в спящих двориках единую волну, поднявшегося в небо вороньего крика, волну, захватившую все звуки города, оживившую столицу паутиной автомобильных сирен.

– Этот момент меняет ход боя! – перекрикивая дикий шум катастрофы, поучительно обратилась к неформалам Велга, перстом своим указуя на бушующий в центре сквера огонь.

Макс посмотрел на часы. Ему, с момента прибытия на место побоища, стоящему на прежнем пяточке, в тени буйно разросшегося кустарника, было в диковинку участвовать в настоящих боевых действиях, и он успевал лишь хлопать ртом от той скорости, с которой происходили события. С того момента, когда Велга выхватила у кого-то автомат, с момента её пришествия в стан воюющих неформалов, прошло

всего шесть минут. Но и это мгновение тишины для концентрации мысли длилось лишь миг. Тут, с внешней стороны сквера послышалось оживлённое волнение.

15. «возвращение “Мерсидэнса”»

Внезапно, чёрные кусты одичавшего в городской среде малинника, укрывавшие Макса столь бережно в своей тени от площадных огней, осветились резким и направленным белым светом, светом, ослепившим всех вокруг, и посеявшим неимоверную панику. Со стороны плаца, ломая заросли кустарника, на войско неформалов надвигался автомобиль.

Не успевая в своей реакции за мобилизованными байкерами, разбежавшимися тут же, кто куда, прочь от света, Мах встретил тот автомобиль, застигнутым врасплох, и оторопело замер на месте, до самого момента остановки, надвигающегося из темноты, полосатого радиатора с треугольником в круге.

– Придурок! Отошёл бы в сторону, хоть на метр! Я же тебя, с разгону, чуть не задавил! – заорал кто-то, знакомым Макс, прокуренным мужским голосом, из остановившегося авто.

– А сам, тоже – идиот! Без предупреждения, сзади впёр! – бросилась навстречу водителю, ослеплённая тем же светом фар Дама в Розовых Очках.

– Я сюрприз хотел преподнести! – торжественным, утробным голосом повинился водитель, продолжая ослеплять малинник галогеновыми фарами.

– Загаси свет-то, благодетель! – возмутилась в ответ Дама,

но, по снисходительному тону её, было слышно, что она сердится не всерьёз, а будто отчитывает шаловливого ребенка.

Вот, свет фар, наконец-то померк, и Макс смог увидеть, что прижавшаяся к его животу решётка радиатора принадлежит тому самому, угнанному им вместе с Велгой несколько часов назад, посольскому “Mercydance-Dance”. На месте водителя осанисто восседал оборванец Дон Джон, на месте пассажира, в героической позе, повис на стоящем вверх прикладом автомате Шапошникова, коротышка Эрудит Че.

– Он меня отговорить пытался от этой затеи, но я настоял на своём! – гордо тыча пальцем в Эрудита и, ещё более гордо – себе в грудь, заявил, оторвавшийся от рулевого колеса шнифтовой.

– Да, затея твоя, Джонни – сумасшедшая, но, как и все прочие, вытворяемые тобой глупости – жизненная! Я даже не знаю – ругать тебя или хвалить?... С Эрудитом нашим, у меня разговор отдельный будет, насчёт того, как он нам с Максом путешествие в Огайо чуть не сорвал, разоравшись о том, что Джин – это питон. А ты, как вижу, решил отметить героизмом, на общем фоне боевых действий... – уже с легкой весёлостью в голосе, заговорила с оборванцем-триумфатором Велга.

Горе подобный воин Ярила, выступавший минутой прежде в роли символа мужества, в свете фар и шума, наделанного шнифтовым, отступил со своей ролью на задний план, затенённый самовластным триумфом сумасбродного

оборванца.

– Кстати, Джонни, мы же могли тебя и застрелить, когда ты с этими фарами на нас с тылу двинул! – заигрывающим тоном общей любимицы, защебетала в ухо шнифтовому Велга, отцепившись от минувшего героя, пожертвовавшего свой мотоцикл, и начав липнуть к новому, спасшему её автомобиль.

– Я чудом сдержался, чтоб на крючок не нажать! – обиженно пробурчал себе в бороду Ярила, досадливо поглаживая мощный пулемёт, уже успевший оказаться в его ладонях, вместо, пулей раненой в ягодицу, крашеной девки-металлистки, уже отданной им на попечение рокеров, заявивших, будто у них есть лекарство-панацея, действующее эффективно, лишь при приятии через иглу в вену и кровь.

– Да, это было очень глупо! Нужно было, всего лишь, вырубить фары, и мы бы видели, кто к нам едет! – уловив недовольство богатыря, невинно отругала шнифтового Дама, но тут же потребовала, чтобы тот рассказал всем, как спас “Mercydance-Dance” от огня, вспыхнувшего в стоявших близ него чиновничьих автомобилях, при взрыве “Хардли” Ярилы.

Такая просьба весьма обрадовала шнифтового, поскольку дала возможность ещё больше закрепить успех в привлечении всеобщего внимания не только к своим поступкам, но и к красивому, полному вольных приукрашиваний и откровенных небылиц рассказу-комментарию о случившемся.

Будучи уверенным в том, что за огнём пожарища разглядеть происходящее с “Mersedance Dance” неформалы никак не могли, Дон Джон выдумал целую историю о героической битве с жандармами, из которой, по его словам, он, де чудом спасся, погубивши многих неприятелей в отчаянной, неравной схватке.

– Конкретно – скольких чиновников ты положил во время этой операции? – вступил в диалог с Доном Джоном богатырь Ярила, решив вернуть себе позиции флагмана, наверняка уверенный в том, что большая часть истории шнифтового – небылица.

– Во время операции?... – озадаченно переспросил шнифтовой, будто услышав туземную речь, но, тут же отбросив сомнения, продолжил хвалиться: «Считать трупы мне было некогда! Я стрелял на поражение! Копы атаковали машину Нагваля со всех сторон, и я стрелял безотчётно, руководствуясь одними рефлексами! Вместе с тем, нужно было проникнуть в салон, и дать машине ход... Я действовал молниеносно! Всё происходило будто во сне... И вот – я перед вами!» – бахвалился шнифтовой, удовлетворяя интерес Ярилы сей легкомысленной отговоркой, будучи уверенным в том, что вопрошающий великан – не более чем один из тьмы косматых и диких, недоучившихся бездельников, мотающих свою жизнь в необузданных сиюминутных развлечениях, байкер.

В этот миг, со стороны бушующего ещё пожарища до-

нёсся раздражающий звук настраиваемого кем-то громкого-говорителя. Над сквером раскатился высокочастотный писк, призывающего публику к вниманию радиорупора; следом за писком раздались нервирующие хлопки, какие возникают при пощёлкивании головки микрофона кончиком ногтя; а за тем прозвучал и сам голос, взявшего в руки рупор человека: «Внимание, граждане! От имени надзирающей за контролем локального сектора Балтийского района государственной жандармерии, приказываю вам немедленно прекратить сопротивление сотрудникам компетентных, карательно-организующих органов! Приказываю сдать оружие и, с поднятыми руками и слегка поджатыми коленями, покинуть незаконное убежище, чтобы предстать перед компетентными лицами, для составления протокола задержания!...» – немного пофыркав в свой рупор, и откашлявшись так, что звуки те отразились в воздухе отвратительным скрежетом и каким-то малоприличным хрипаньем, сотрудник продолжил речь: «Сразу предупреждаю: любые дальнейшие попытки сопротивления властям и прочее неповиновение, будут рассматриваться нами, как усугубляющий вашу вину фактор, который приведёт к необходимости принятия более жёстких мер воздействия!» – наконец-то, объявил всё, что, по-видимому, и хотел сказать анархистам, в упрёк за уничтоженные автомобили государственной собственности радиорупор.

– Вот чёрт! С чего же это их там так расколбашивает на бычку? Ведь, и взорвали их, и поперестреляли многих, если

Джоник нам не врёт!... – досадливо возмутилась Дама в Розовых Очках, реагируя на угрозы государственного радиорупора.

– Простите за вмешательство со своими комментариями, но я, в силу боевого опыта, рассматриваю их угрозы, как чистый блеф, как последний способ врага навести смуту и посеять панику в стане заведомо победившей стороны! – уловив подходящий момент, высказался верзила Ярослав.

– Верно, верно! У кентов-закона явный крах: их тачки сгорели, а сами они – наполовину уничтожены! – поддержали Ярослава воинствующие хиппи, азартно отказываясь прекращать веселиться под любым предлогом.

– Опять же, как подсказывает мне боевой опыт – уничтоженными в достаточном количестве, их считать тоже не следует, так как на подобный блеф нужны психологические основания... На войне особенно уверенность в здравии сотоварищей придаёт моральных сил на дерзкое сопротивление; а вот гибель сотоварищей, напротив, ведёт к сокрушению и желанию затаиться... думаю, что эти жандармы позволяют себе выставляться напоказ, именно ввиду сохраняемой численности бойцов, которая придаёт им ощущение уверенности! – выдал развёрнутый комментарий эксперта Ярила, сумев овладеть ситуацией с задавшимся шнифтовым, на уровне логических доводов.

— Выходит дело, они блефуют! – закусила большой палец Велга, явно задумывая очередную каверзу.

– Да, они в невыгодном положении, но продолжают играть на опережение! В сущности, любые кенты-закона рассматривают любой уличный бой с точки зрения потенциального победителя; такую уверенность им придаёт сила дистанционной поддержки. Скажу больше: вообще, как-либо участвовать в прямом сражении – привилегия спецотрядов их брательников, а любые прочие, ввязывающиеся в вооружённый конфликт сотрудники, участвуют в нём лишь из азарта, надеясь захватить своей маленькой группой, все лавры победителя... Такое поведение, несомненно, рискованно, столкнись они, как сейчас, с настоящим противником; но и это – лишь риск ожидающих скорой поддержки и любой, необходимой для выигрыша силы... Думаю, что на наш сквер, не позднее чем через тридцать пять-сорок минут, нагрянет жандармских батальонов, эдак... Нет, пожалуй, они выставят полк... Ситуация наша неординарна! – высказал очередное мнение военного эксперта Ярила.

– Выходит дело, мы все здесь поляжем?! – ахнул Мах, внимательно прислушивавшийся всё это время к словам громилы байкера, к словам Ярилы, объявившего себя военным экспертом; он слушал его, как проповедь благого священника, как речь президента в новогоднюю ночь, держась за слова эти, как за соломинку.

– Процентная вероятность нашей гибели, определённо выше возможности выжить... – спокойно согласился с вопросом Макса Ярослав. Некоторые, стоявшие в недалёкой

близки неформалы панически ахнули; с их эмоциональной подачи в глубь сквера поползла волна нарастающего ужаса.

16. «оправдание Че»

– Итак, Ваше предложение, господин военный?... – с саркастичной издёвкой надвинулась на Ярослава Велга, видя, как подействовали его слова на боевой дух массы и, начиная уже злиться на вновь приобретённого друга.

– Моё предложение?... Разумеется – сражаться! Какое же ещё, здесь может быть предложение?... При том, сражаться отчаянно, до последнего вздоха, ибо ситуация наша безвыходная! – высокопарно заявил Ярослав, ничуть не смутившись, вдруг изменившимся тоном Велги.

– Но почему – безвыходная?! Ведь мы можем просто сдать! – отчаянно возопил Мах, в порыве паники презрев витающие вокруг него моральные нормы.

– За это побоище, каждому из нас грозит горький удел, ведь мы посягнули на самую государственную власть!... Ну а если вы, юноша, рассчитываете на то, что ваша персональная ответственность выйдет меньшей, чем у остальных, то здесь вам урок: преступления выгоднее совершать в одиночестве, а любая компания, а тем более – многочисленная, да бросившая вызов власти – отягчает вашу собственную вину перед Законом во много раз! – научил Макса новым знаниям громила, глядя на его шёлковый пижонский наряд с подчёркнутой брезгливостью. Дама разделила интонацию его взгляда,

и тоже одарила Макса холодом отчуждающей брезгливости.

– Значит, ситуация безвыходная, и мы будем отбиваться до полного изнеможения, пока не ляжем на этом плаце, под фонарями и Луной? – вздохнув с печальной трагичностью, подвела итог сказанному Дама, лукаво поглядывая, меж тем, на Ярилу.

– О нет! С таким настроением держать бой – одно самоубийство!... Лично я буду биться за нашу правду, а вовсе не из обречённости... и этот бой, либо утвердит меня в праве называться страждущим свободы, либо низвергнет на небеса мой искренний дух! – громко возмутился Ярила, следом уловив, ожидающий от него подобных слов взгляд Нагваля.

– Тогда, в бой?! – призывно подняв оружие, кивнула окружающим Велга.

Все вокруг, все байкеры, рокеры и хиппи, все анархисты уже готовы были переменить в своих намерениях, и променять отчаяние дичи на отчаяние загнанного в угол хищника, но в этот миг, их всеобщей и спонтанной мобилизации, из “Mercedes-Benz” посла Нигерии донёсся резкий сигнал клаксона, а вслед за сигналом, из лимузина выпрыгнул, отчаянно размахивающий руками и призывно вопящий во всё горло, коротышка Эрudit Че.

– Внимание! Внимание, люди! Не горячитесь! Всё не так, как вы думаете! Не надо рваться в последний бой, сломя голову! Стойте! – вопил Эрudit, одёргивая своей ручонкой грязные кожаные куртки неформалов.

– Что?! Как так – не надо?! Ты что – обезумел от “интернета”, или, может быть, записался в помощники к государственным чиновникам? Ты мне, чего бой останавливаешь, а?!... – налетела на него Велга, бросив его тщедушное тело обратно на капот автомобиля, хлёстким ударом приклада автомата в лицо.

– Не идите в атаку! Они у нас в мешке!... Их и убивать-то не надо... – заныл Эрудит, вправляя подвинутую ударом вбок челюсть, и утирая, льющуюся изо рта и носа кровь.

– Как так – в мешке? Ну, разумеется – в мешке! Но речь-то идёт не об этих... этих мы сейчас добьём, как загнанную дичь... а о тех, которые приедут следом! Ну а этих – либо мы сейчас уложим, чтобы очистить дорогу к отходу, либо они пристрелят нас самих! – возразила ему Дама, досадливо морщась от созерцания своей гневной проделки.

– Следом никто не приедет! В том-то и фокус! – пояснил своё противодействие Эрудит, встав с капота и отряхавшись от пыли, зная наперёд, что бит боле не будет, поскольку уже зацепил публику своей недомолвкой.

– После всего, что здесь произошло, приедут непременно! – вставил свой резкий комментарий громила Ярослав, высокомерно оглядывая повреждённого коротышку.

– Подожди, Ярик! Пусть он скажет всё, что знает! – отодвинула громилу Велга, толкая ладонью Эрудита в плечо, из нетерпения перед этой его недосказанностью.

– Я заглушил им эфир! – выдохнул наконец-то из себя

признание Эрудит, и смело закурил сигарету.

– Сомнительное, нереалистичное дело – заглушить эфир патрулю жандармов, тем более, состоящему из пары групп... – тут же вставил комментарий военного эксперта Ярила, глядя на Эрудита Че, как на уличённого во лжи шнифтового, справедливо подозревая товарища хвастуна в общем с ним единстве.

– Согласен с Вами, уважаемый “Предводитель Железной Конницы”, но, тем не менее, есть факты, подтверждающие мои слова!... – стоя на своём, согласился с Ярилой Эрудит.

– “Предводитель Железной Конницы”?!!... – пропела слоган, сочинённый Эрудитом Че Велга, забавляясь его звучанием и искоса глядя на зардевшегося от гордости великана.

– Я обладаю обострённой проницательностью и, вместе с тем, ловко оперирую логическими доводами... поэтому позволил себе, без обиняков, назвать заслужившего этого имени героя, так, как диктуют обстоятельства! – парировал иронию Дамы Эрудит, вежливо и почтенно склоняя голову перед великаном Ярославом.

– Но ведь, даже приглушённый и искажённый помехами позывной, будет восприниматься на жандармских базах, как сигнал тревоги... – несмотря на подкупающие и отвлекающие от темы комплименты Эрудита, стоял на своём великан Ярила, относясь к происходящей беседе с полной ответственностью, взявшего на себя часть полномочий по руководству боем полководца.

– Увы, Че, но, называемый тобою “Предводителем Железной Конницы” байкер, которого, для вашего взаимного знакомства, зовут Ярославом, помимо своего подвига — жертвования мотоциклом, лишь создал смуту в моём задорном войске!... Своими, унижающими безумную отвагу моих нетрезвых бойцов, дотошными выяснениями фактов и логическими доводами, Ярослав лишь всех смутил! А такой конструктивизм, сейчас, противоречит самой идее нашего сопротивления, как сопротивления естества и хаоса, порядку и запрограммированности законоимцев! – включила свет рампы над своими вассалами Дама, приготовившись слушать их оправдания.

– Именно этим своим качеством, этим конструктивизмом, Ярослав, как стратег, снискал себе славу называться “Предводителем Железной Конницы”! – расставил точки над “и”, по своему разумению, революционер Че, и, обращаясь уже к самому Яриле, с ответом на заданный им вопрос о ведении боя, добавил: «Чиновники, разумеется, воспримут приглушённый эфир как сигнал тревоги... но, если глушить их грамотно составленными позывными, какие ведутся патрулями в пустые, не отмеченные правонарушениями дни, то на пульте приёма всё воспримется как штиль, без подозрений...» – пояснил суть своей стратегии Эрудит Че и, аргументируя вышесказанное, вытащил из “Mersedans-Dance” спутниковый телефон; тут же включив его, революционер Че предоставил всем окружающим слушателям воз-

возможность вникнуть в суть, происходящей меж жандармами радиопереклички, где подорванные только что патрули отметились хриплым, полусонным голосом, как благоденствующие и не нуждающиеся в помощи.

– В телефоне установлен чип с разработанной мною программой, выдающей на их позывные, логичные и простые ответы. Программа очень сложная, но эффективная. Я придумал её специально, для охраны “Диллинджерз” клуба от всех местных служб надзора – от пожарных и газовых инспекторов до жандармов! – пояснил Че.

– Bravo Че! И Вам, воин – честь и хвала! – развеселилась, услышав такое Дама, разом схватив коротышку и великана за руки, и соединив их в примирении.

С момента начала дискуссии, в которую невольно втянулись все знакомые нам герои, прошло, тем временем, несколько минут, скоротечных мгновений, в течение которых, обстановка на передовой гражданского фронта претерпела значительные изменения. Своими дистанционными угрозами, чиновники столь сильно пошатнули только что созданное единство в войске Велги, что бой вновь, как и четверть часа, тому назад, начал приобретать плачевный для неформалов оборот.

– Микрофон! Дайте мне микрофон! – яростно выкрикнула тогда Велга, резко остановив разговор со своими приближёнными, и переключив внимание на разбредающихся во все стороны без её руководства и воодушевления хиппи и

байкеров, анархистов, испуганно ищущих выхода из создавшейся ситуации в самостоятельных решениях.

– В “Мерсе” есть внешний динамик, который будет звучать, не хуже жандармского рупора! – поспешил навстречу Нагвалю Эрудит, вновь идя на штурм её расположения.

– Ага! А ещё тут мигалка синяя в бардачке заныкана! – поддержал товарища, до сих пор, так и не покинувший салон спасённого автомобиля шнифтовой.

– Это посольская мигалка, для проезда в чрезвычайных обстоятельствах! – добавил для основательности Че.

– Бойко же, хлопцы, вы мне тачку зашмонали! Когда успели-то только? – пошутила на их прыть Дама, радостно залезая в белый “Mercydance-Dance” на место пассажира.

– А в багажнике, между прочим, комплект новой резины припасён! – ублажённый шутливой похвальбой от Дамы, не унимался Эрудит.

– Даже туда вы залезли?... – уже с более серьезной интонацией, удивилась Велга, руками шнифтового настраивая кузовной громкоговоритель.

– Там, под обивкой, в багажнике, тайник обнаружился с вудуистскими ценностями культового предназначения и, даже, шиша немного было... но мы, кажется, его уже скурили... – глупо разинув рот, добавил до общей кучи открытого, и этот нескромный факт Эрудит Че, подобострастно наслаждаясь, исходящей от Велги, в сей миг, волной эмоциональной респектабельности.

– Тайник?... Забавно!... Жаль, лишь, у меня нету времени взглянуть!... – отвлѣкшись на настройку громкоговорителя, рассеянно ответила ему Велга. Но, вскоре наладив рупор, тут же отвлеклась, и резко переспросила, уже совсем другим тоном: «Друзья мои! Что я слышу?!... Кажется, возник вопрос по существу... Я слушаю откровения про мигалку, про запаску, про внешние динамики, да ещё и про тайник под обивкой, и сопоставляю их с вашим заявлением о том, что вы отрубили жандармам эфир, да ещё, вдобавок, обкурились шишом!... На всё это нужно немало времени... Я ловкая женщина, конечно, но так, как ловчите вы, вряд ли смогла бы!...» – с угрожающе нарастающим накалом страсти, наехала на болтуна-революционера Велга.

Дон Джон стрельнул в Эрудита негодующе-зверским взглядом, совершенно изменившись вдруг в лице, из триумфатора превратившись в загнанного зверюгу.

– Постой, Джонни! Ты куда? – зацепилась за него Дама, видя как тот, крадучись, откупоривает дверной замок, с явным намерением удрать.

– Я, собственно, так – по нужде... – пытаюсь сделать невинный вид, оправдался Дон Джон; но, при развороте корпуса к Даме, скривился от боли: левая рука его осталась на месте, удерживаемая дверью.

– Что там, Джонни? Что с твоей рукой? Покажи скорее, что там болит! – заинтересовалась Велга, одновременно подзывая чрез открытое окно автомобиля Макса.

Дон Джон попытался отвертеться от этой затеи, и начал крутиться на месте, дабы вырваться прочь, но рука его торчала в двери закабалённой, пойманной за кисть дверной ручкой.

– Смотри, Максик! Я хочу, чтобы ты сделался очевидцем познавательной истории!... Смотри ему на пальцы! Не правда ли, забавно?!... – призвала к участию в сцене Маха Дама, перстом своим, указывая на кисть шнифтового, опутанную каким-то толстым коричневым шнурком, зацепившимся за ручку двери.

– Что там? – с юношеской наивностью, так и не вразумивши себя сплошными подвохами и каверзами, потянулся к Даме Мах.

– Вот, смотри, что стало предметом его жадности!... Не правда ли – забавное совпадение?... – веселилась Велга, указывая точно в центр тыльной стороны кисти шнифтового, где, среди мохнатых порослей нательных волос оборванца, притаился квадратный, чёрного металла талисман, с вживленными внутрь алмазами и, угрожающе выпирающей, гравированной мордой зверя.

– Такой же, что был на мне, когда я был негром! – с восторженным испугом воскликнул Мах.

– Эта дрянная чёрная штука из Вуду, похоже, преследует всех своих жертв, заводя скорее в неприятности, нежели в рай! – смеялась Велга, видя как корчит Макса от соприкосновения с чудесами и их порождениями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.